

**СБОРНИК
САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ
ПЬЕС**

НАРКОМЗДРАВ СССР
ИНСТИТУТ САНИТАРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
МОСКВА — 1944

СБОРНИК
САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ
ПЬЕС

НАРКОМЗДРАВ СССР
ИНСТИТУТ САНИТАРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
МОСКВА — 1944

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди различных форм санитарного просвещения используется, как одна из наиболее эффективных, и форма театрализации.

За годы Великой отечественной войны интерес работников санитарного просвещения к театру, как эмоциональному средству воздействия на массы, значительно возрос. При многих домах санитарного просвещения, лечебно-профилактических учреждениях, клубах и т. п. возникают самодеятельные театральные кружки, в ряде мест работают и профессиональные театры санитарного просвещения.

Однако большим препятствием к развитию санитарно-агитационной работы через театр является отсутствие удовлетворительного репертуара, создание которого на местах сопряжено со значительными трудностями.

Настоящий сборник имеет целью помочь местам в этом отношении.

Включенные в сборник пьесы, специально написанные для театра Института санитарного просвещения, многократно с большим успехом ставились этим театром. Они могут быть использованы как профессиональными театрами, так и самодеятельными театральными кружками.

Для облегчения использования пьес каждой из них предпосылаются: указание санитарно-просветительской тематики, освещаемой в пьесе, краткое содержание пьесы, характеристика действующих лиц и краткие указания к постановке; материалы эти составлены Н. Шаповаленко.

В дальнейшем по мере накопления нового апробированного репертуара Институт надеется продолжить выпуск пьес для использования в санитарной агитации.

В частности Институтом подготовлен к печати сборник санпросветпьес для детских самодеятельных театральные кружков.

Редактор Л. А. ЛЕРМАН

Л 74738.
Тираж 1.000 экз.

Подписано в печать 5/IX 1944 г.

304 стр. ил.
Фактис № 3488.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», Москва.

ДВА ДНЯ ЛУИ ПАСТЕРА

Историческая пьеса в 2 картинах М. Сизовой.

Тема — борьба гениального французского ученого Луи Пастера за первые прививки против бешенства.

Краткое содержание

Пастер вместе со своим учеником, доктором Ру, проводит опыты с недавно открытыми им прививками против бешенства. Новое средство вызывает противодействие со стороны консервативных и невежественных обывателей, в том числе представителя местного муниципалитета Палетье. Плеваница последнего незадолго перед тем умерла после прививки. Напрасно Пастер доказывает, что это произошло вследствие слишком позднего обращения к нему больной. Палетье, не принимая никаких объяснений, поднимает яростную кампанию против них в чем неопытного ученика. Воспользовавшись новым опытом Пастера с пастухом Жюльеном, Палетье обвиняет ученика в преднамеренном убийстве мальчика, как то будто бы было с его племянницей. Но Жюльен выдворяет Палетье, Кампания Палетье проваливается. Учащаяся молодежь чувствует своего великого учителя.

Характеристика действующих лиц

ПАСТЕР — человек огромных знаний и блестящих способностей. Серьезный, задумчивый, непоколебимо верящий в правоту своего дела, неспособный ни на какие компромиссы. Сильный, цельный характер. Вместе с тем он склонен к шутке, иронии. У него очень доброе, отзывчивое сердце. Ему близки страдания его больных. Он любит жену, учеников и окружающих его людей. По внешнему виду Пастер — приземистый, среднего роста пожилой мужчина, одна рука которого слегка парализована. Носит небольшую бороду и усы. Одет в черный, застегнутый на все пуговицы сюртук.

РУ — ближайший ученик и помощник Пастера. Молодой, талантливый ученый, преданный своему учителю, готовый до конца закрывать его перед всем. У него красное лицо, высокий рост, статная фигура. Одет в рабочую блузу.

МАДЕМУАЗЕЛЬ БУЖЕ — женщина средних лет. Ведет хозяйство в доме Пастера. Типичная французка — бойкая, веселая, немного легкомысленная. Она ничего не понимает в работах своего хозяина, но исполнена уважения к нему. Подтянута, следит за собой, всегда аккуратно причесана и одета со вкусом.

ПАЛЕТЬЕ — богатый буржуа, член местного муниципалитета. Напыщенный и самоуверенный человек, враг всяких новшеств, ненавидит Пастера, считая его шарлатаном. По внешности это улиточный, преуспевающий в жизни француз. Одет франтовато, с претензией на роскошь.

ЖЮЛЬЕН — крестьянский мальчик — пастух — лет шестнадцати. Вид добродушный, немного застенчивый. Светлые волосы, голубые глаза. В них чувствуется природный ум и пылкость. Одет бедно. Одежда рваная, в пыли. На ногах грубые сабо.

Оформление

Обе картины разыгрываются в лаборатории Пастера — небольшой светлой комнате, выходящей окном в сад. Две двери: одна на улицу, другая в жилое помещение. Обстановка — два рабочих стола (Пастера и Ру), кресло, несколько стульев, микроскоп, препараты; вдоль стен полки с книгами.

ДВА ДНЯ ЛУИ ПАСТЕРА

Историческая пьеса в 2 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пастер Луи — ученый
Ру — его ученик
Мадемуазель Буже — экономка Пастера
Палетье — богатый буржуа
Жюльен — крестьянский мальчик
Жанна Рыбо — молодая девушка

Картина 1-я

(Лаборатория Пастера. Легкий вечер. Большое окно, выходящее в сад, открыто. У окна главный ассистент Пастера — Ру разглядывает на свет пробирку).

РУ (на минуту оставив свое занятие и высовываясь в окно). Милые, напомните остальным, что завтра профессор начнет занятия ровно в восемь утра. И не забудьте выйти в редакцию. Очень важно, чтобы протест по поводу сегодняшнего инцидента появился в газетах немедленно. Да, да, Адье.

М. БУЖЕ (вносит поднос с кофе). Добрый вечер, мсье Ру, вот и вечернее кофе.

РУ. Добрый вечер, мадемуазель Буже. Вы точны, как часы.

М. БУЖЕ. Ученики разошлись. А где же господин профессор?

РУ. Я уговорил его выйти в сад и подышать хоть пять минут свежим воздухом перед вечерней работой.

М. БУЖЕ. И прекрасно сделали.

РУ. У него сегодня пошаливает сердце.

М. БУЖЕ. Еще бы! Я сама все еще не могу успокоиться. Каково же было профессору. Ах, какое счастье, что мадам Пастер на даче. А мадемуазель Пастер? Как бы она измучилась за своего дорогого папу. Г-н профессор должен сегодня выпить очень крепкого и очень сладкого кофе (с любящей улыбкой). Я сделала и для вас, мсье Ру. Я была уверена, что вы и сегодня не увидите домой.

РУ. Благодарю вас, м-ль Буже, вы очень любезны.

М. БУЖЕ (идет к двери, потом останавливается). М-сье Ру, я очень вас прошу: объясните мне, что происходит на улице. Кто эти люди, которые решились кричать всякие угрозы? О, боже мой! Под окном г-на профессора.

РУ. Это его прати, м-ль Буже. Враги Луи Пастера.

М. БУЖЕ. Его враги? Но разве он сделал им что-нибудь плохое? Я никогда не поверю этому.

РУ. Он не сделал никому ничего плохого, он сделал и делает массу добра. Но он знает больше других, а этого люди по большей части не прощают. И они не верят тому, что он видит своими глазами.

М. БУЖЕ. А-а, я понимаю. Тому, что он видит в маленьких стеклышках.
РУ. Вот именно. Враги великого ученого — Луи Пастера — не хотят, чтобы он лечил людей и делал то, чего не могут они сами. Вот и все!

М. БУЖЕ. Ах, боже мой. Ему было бы гораздо лучше жить на прекрасной даче вместе с мадам и мадемуазель Пастер. Но я молчу, молчу. А вотги он (Шепотом) Пожалуйста, м-сье Ру, уговорите его сегодня скушать оба паштета. Добрый вечер, г-н профессор.

ПАСТЕР (входя). Добрый вечер, м-ль Буже. Скажите, пожалуйста, Жаку, что я никого сегодня не принимаю; я занял. Ну, Ру, хоть мне и жаль вас утомлять, но я очень рад, что вы остались. Может быть сегодня на шестьдесят первом опыте мы найдем наконец возбудителя самой страшной болезни. (Садится к микроскопу).

М. БУЖЕ (со вздохом). О, боже мой.

ПАСТЕР (глядя в микроскоп). Что с вами?

М. БУЖЕ. Ну что я напишу сегодня мадам Пастер?

ПАСТЕР. Ах, пожалуйста, когда будете посылать свое письмо, присоедините к нему и мое. (Дает письмо).

М. БУЖЕ. Но разве вы не опасаетесь о себе правду? А я должна написать ее. Уезжая, мадам взяла с меня обещание, а женщины, как вам вероятно известно, г-н профессор, всегда верны своим обещаниям.

РУ (от своего рабочего стола, смеясь). Как будто история сохранила нам несколько других примеров.

ПАСТЕР. А что же вы обещали моей жене, м-ль Буже?

М. БУЖЕ. Следить за тем, чтобы вы кушали, а вы уже два дня ничего не кушаете, и если у вас будет плохой вид — немедленно ей сообщить.

ПАСТЕР. Я очень прошу вас не тревожить ее ничем. Я так счастлив, что она хоть немного отдохнет. Вы дадите мне слово?

М. БУЖЕ. Боже мой! Как же я могу дать два противоположных обещания и остаться верной обману? Ни одна женщина не сможет этого выполнить.

РУ. Женщины очень любят такие положения.

М. БУЖЕ. Что вы говорите, м-сье Ру?

ПАСТЕР. Не слушайте его, м-ль Буже. Оба эти обещания имеют одну цель: спокойствие нашей семьи. А ведь вы именно его и оберегаете — не правда ли?

М. БУЖЕ. О, м-сье Пастер! Но за это вы должны сегодня скушать оба паштета, которые я принесла.

ПАСТЕР. Два паштета?

М. БУЖЕ. Ну вот. Мужчины никогда не делают уступок. Они не уступают ни в чем.

ПАСТЕР. Хорошо, хорошо, дорогая м-ль Буже. Я согласен съесть все, что вы мне дадите, ради того, чтобы не тревожить Мари. Вы довольны?

М. БУЖЕ. О да, м-сье Пастер. Я — довольна. (Уходит).

(Пауза)

ПАСТЕР. Как чувствуют себя кролики, Ру?

РУ. Я только что смотрел: по-моему — прекрасно.

ПАСТЕР. Значит мы можем считать окончательно установленным, Ру, что бешенство излечимо. Пусть возбудитель его еще не найден нами, но оно излечимо. Подумайте, какое счастье.

РУ. Теперь вы можете смело пробовать и на человеческом организме.

ПАСТЕР. На человеке? Ах, милый Ру, мне разрешили бы это только в том случае, если бы вы были врачом. Но я — химик.

РУ. Я вспоминал сейчас, что когда-то вы сказали: «Какое счастье быть химиком».

ПАСТЕР. И это верно. Но еще большее счастье для меня отстаивать жизнь человечества и бороться с ее врагами.

РУ. Вы правы, как всегда. И подумать только, ведь до вас никому и в голову не приходило, что самого страшного врага здоровья — инфекционного микроба — можно использовать как оружие борьбы с ним же самим.

ПАСТЕР (глядя в микроскоп). Взгляните, Ру, здесь ясно видны макроорганизмы.

М. БУЖЕ (осторожно присовывая голову в дверь). Г-н Пастер. Я должна вам сообщить что-то страшное...

ПАСТЕР (не отрываясь от работы). С вами что-нибудь случилось?

М. БУЖЕ. Со мной? О нет. Но я боюсь, что это случилось с нами.

ПАСТЕР. В чем дело?

М. БУЖЕ. Какой-то человек позвонил у подъезда, сунул мне в руку письмо и скрылся.

ПАСТЕР. Только-то. Ру, огласите, пожалуйста, этот страшный документ.

М. БУЖЕ. О, г-н Пастер, мне страшно повторить это, но этот человек сказал: «Передай это твоему сумасшедшему хозяину». Я уверена, что это один из тех, которые орали сегодня под нашими окнами.

ПАСТЕР. Очень возможно. Читайте, Ру.

РУ. «Милостивый государь. Вы подрываете авторитет официальной медицины шарлатанскими бреднями о неведомых животных. Предупреждаем: если вы будете продолжать ваши опыты не только над собаками и кроликами, но и над несчастными пациентами, попавшими в наши специализованные руки, мы сумеем оправдать от вас больных, предоставив вам выбор между тюрьмой и сумасшедшим домом».

ПАСТЕР. Автор не лишен остроумия. А подписи?

РУ. «Друзья французского народа». Не мешало бы напомнить этим «друзьям», сколько вина вы спасли для Франции, предохранив его от брожения, когда во Франции не хватало денег на уплату контрибуции немцам.

ПАСТЕР. Ну, такие вещи легко забываются.

М. БУЖЕ. О, г-н Пастер, даже я слышала от эковомки винооторгонца Камюте, сколько фирм вы спасли от разорения. А про овец и говорить нечего. Вы спасали их сотнями на моих глазах, когда мы жили в Артуа.

ПАСТЕР. М-ль Буже, будьте любезны последить за тем, чтобы меня сегодня никто больше не тревожил. Мы будем долго работать сегодня.

М. БУЖЕ. Да, да. Я ухожу. (Уходит и возвращается). Тысячу извинений, г-н профессор... но я очень боюсь...

ПАСТЕР. Чего же вы боитесь?

М. БУЖЕ (шепотом). Неизвестных животных.

РУ (с веселым смехом). Успокойтесь, м-ль Буже, ни одно из этих животных не нападет на нас в тесном коридоре. Самое большое из них в десять тысяч раз меньше мухи.

М. БУЖЕ. О, боже мой, благодарю вас, м-сье Ру: теперь я буду спать спокойно... Но... в таком случае я не понимаю, что нужно врагам г-на профессора? За что они мучают нас нож... (Подходит к Пастеру и складывает умоляюще руки). Господин Пастер. Дорогой г-н Пастер. Ради спокойствия семьи, сделайте маленькую уступку своим врагам. Я знаю, мужчины не любят этого, они никогда не делают уступок, и им всегда всего мало. Но спокойствие семьи стоит такой маленькой, маленькой уступки.

ПАСТЕР. Что же я могу уступить им, м-ль Буже?

М. БУЖЕ. Ах, дорогой господин Пастер. Ну уступите им этих... микробиков. Раз они такие маленькие, то, право, можно сказать, что их нет.

ПАСТЕР (поднимая голову). Они в молоке, когда оно свертывается, они в масле, если оно горюпит, они — в вине, если оно начинает бродить, они в тесте, если оно растет, и они в слюне бешеной собаки, укусы которой смертельны.

М. БУЖЕ (смотрит на него, онемев от изумления). Кто бы мог это подумать?

РУ. М-ль Буже, можете быть уверены, что если какой-нибудь чистый раствор начинает мутнеть — значит в нем поселились эти звери.

М. БУЖЕ. Праведное дело!

(Слышен стук в дверь).

М. БУЖЕ (осторожно приоткрывая дверь). Кто это? Г-н профессор сегодня не принимает. Боже мой, кто тут стоит!

ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ. Впустите! Ради бога!

М. БУЖЕ в страхе отступает. Появляется странная фигура: мальчик лет 16, одетый в куртку из грубой шерсти, с широкополой шляпой в руках, сидит у порога лабораторной маленький узелок, встает и становится на колени).

РУ. Что это значит? Встаньте. Кто вы такой?

МАЛЬЧИК (привставая РУ за Пастера). Я — Жюльен, Жюльен из Вилли-ли Серра. Спасите меня, спасите, г-н Пастер (низко кланяется).

ПАСТЕР. Я — Пастер. Встань и расскажи в чем дело.

ЖЮЛЬЕН. Да пошел я в войско, во стадо... Ну, ладно. Мальчики пришли из деревни, — хотели мы костер развести. И видим — собака бежит. Ну, ладно. А она бежит прямо на нас. Последняя мы, а у нее хвост поджатый, глаза криво налитые и изо рта пена. Ну, мальчики испугались и бегать. Они-то от нас, а она-то за ними. Побежу — уж ша одного бросается. Все кричат «бешеная, бешеная». Ну, ладно... Я схватил ее сзади за шею. А она вырвалась и па меня. Вот: четырнадцать укусов на мне.

ПАСТЕР. Четырнадцать укусов!

ЖЮЛЬЕН. Мне в деревне и говорят повариха ты теверя, как собака. А один проезжий посоветовал: иди в город, найди г-на Пастера, стани перед ним на колени и проси, чтобы спас. Кроме него — никто не поможет. И адрес наш дал. Спасите, г-н Пастер.

ПАСТЕР. (быстро) А сколько дней прошло с тех пор?

ЖЮЛЬЕН. Не помню. Не то под Иванов день, а не то и пораньше.

ПАСТЕР (в ужасе). Под Иванов день! С тех пор прошло почти две недели!

РУ (тихо). Безнадежно пытаться.

ПАСТЕР. Покажи свои раны, мальчик. (Подходит к Жюльену).

М. БУЖЕ. О, г-н Пастер! Вспомните угрозы ваших врагов. Ради спокойствия семьи — вспомните о них. О, боже мой, боже мой, что мне писать сегодня маме?

РУ (смотря на Жюльена). Какая же самая опасная?

ПАСТЕР. Ну, конечно та, которая ближе к центральной нервной системе. Бедный мальчуган: четырнадцать ран, зараженных микробами.

М. БУЖЕ (подбирая юбки). Какой ужас! Теперь они будут прыгать по всему дому. Ай! Я чувствую, что меня кто-то уже кусает. (Бежит и останавливается у двери). О, г-н Пастер! Теперь ваши враги погубят нас. Что за несчастный день сегодня! Они вас погубят.

ПАСТЕР (спокойно). Очень может быть. Но это не основание для того, чтобы дать погибнуть этому бедняге, даже не пытаясь его спасти. — Ру, приготовьте шприц и стерильную марлю. Тщательно помойте, мальчик, ты оступился у земли.

Картина 2-я

(Та же лаборатория в предрассветный час. За окном чуть брезжит зря. В дверь медленно входит Пастер со ошейником в руках. У него крайне измученный вид. Он тушит свечу и, присев к окну, опущен головой подоконник).

ПАСТЕР (со стоном). О, боже мой!

ГОЛОС (из сада). Г-н Пастер.

ПАСТЕР (возрогнув, поднимает голову). Кто это? Кто здесь?

(В окне показывается голова Ру)

ПАСТЕР. Как, это вы, дорогой Ру? Каким образом?

РУ. Я испугал вас?

ПАСТЕР. Нет, нет, я очень рад. Но почему вы у меня в саду, а не у себя в постели, куда я вас отпихивал?

РУ. По двум причинам, которые я вам изложу, как только пройду в лабораторию. Разрешите мне это сделать прямым путем, чтобы не тревожить никого в доме.

ПАСТЕР. Пожалуйста, пожалуйста, Ру. Я сожалею только, что не в силах помочь вам.

РУ (перезрыгивает через полочки и смотрит пристально на Пастера). У вас большой вид. Вы должны отдохнуть.

ПАСТЕР. Я хочу знать те две причины, которые не дают спать вам.

РУ. Я пасую их кратко: тревога и радость.

ПАСТЕР. Тревога и радость?

РУ. Тревога за Жюльена и радость за вас.

ПАСТЕР. Судьба Жюльена так связана сейчас с моей — вернее с судьбой всего моего дела, что мы неразделимы.

РУ. Он перенес омерзительную инъекцию удовлетворительно. Но последняя дозировка была сильной.

ПАСТЕР. Последняя дозировка была ненадежной. Но, дорогой Ру, у него началась лихорадка. Я не уходил от него всю ночь. Он так бредил, так стонал во мне, что я все время ждал клинических симптомов болезни. Это или кризис, или... (Умалкает, безнадежно махнув рукой).

РУ. Это кризис, профессор, иначе не может быть. Но вы переутомлены и потому видите все в мрачной свите.

ПАСТЕР. Дорогой Ру, я очень тронут вашим желанием меня утешить, но я знаю, что ваши враги очень сильны, — страшно сильны.

РУ. О каких врагах вы говорите?

ПАСТЕР. О тех, которые враждуют сейчас со мной за жизнь бедного Жюльена.

РУ. Они будут побеждены.

ПАСТЕР. А если нет? Ведь их миллиарды, а я один. Страшно подумать, что будет, если они победят.

РУ. Вы не должны ни на минуту терять веру в себя. Вы не можете на это права. Это и есть истинная причина, по которой я пришел к вам в столь неудобный час.

ПАСТЕР. Вы кажется назвали ее... радостью.

РУ. А разве не радость увидеть, что наше имя пользуется неограниченным доверием и наша слава начинает греметь по всему миру.

ПАСТЕР. Мое имя и моя слава немиско копируются во Франции.

РУ. Зато за тысячи верст отсюда, в далекой необъятной России, вас знают и в вас верят так же, как перво я.

ПАСТЕР. В России? Я вас не понимаю.

РУ. Вот взгляните. Это извещение пришло по адресу Нормальной школы. Я узнал об этом по дороге домой и взял его.

ПАСТЕР. Что же в нем написано?

РУ. Что земство Смоленской губернии умоляет нас спасти 19 крестьян, укушенных бешеным волком. Их отправляют сюда — к вам на излечение.

ПАСТЕР (после паузы). Вы не шутите? Кто мне едут 19 человек из России?

РУ. Смотрите сами (дает Пастеру бумагу). Ну, что, разве я не прав, называя это радостью?

ПАСТЕР (с просветленным лицом). Ах, Ру, как я благодарен вам за это известие! Если бы вы знали, какая у меня сегодня была тяжкая ночь. Да вы правы: большая радость иметь черу в свое дело, и еще большая — видеть его реальную победу. Они уже выехали перолтно.

РУ. Судя по известию, дней пять тому назад.

ПАСТЕР. Еще с жадно они могут пожалуй пробить в пути. Это большой срок, особенно, если избудитель был сильный. К их приезду и должен быть совершенно здоров.

РУ. Я именно это и пришел вам сказать.

ПАСТЕР. Милый Ру. Помните мне перебраться в мое кресло. У меня что-то сегодня все время кружится голова.

РУ (успокаивая его). Это головокружение вызвано бессонницей. Вам необходим немедленный отдых и сон.

ПАСТЕР. Благодарю вас. А знаете, мне может быть удастся сейчас заснуть. Но Жюльен, Жюльен! Сколько уже дней и ночей мысль о нем не дает мне покоя. Да, я очень привязался к нему за это время. Хороший паренек. Подумайте, как храбро он бросился спасать своих товарищей. А ведь бешеная собака пострашнее микробов — по крайней мере на вид. Он не знает, что сегодня мы дали его врагам решительный бой.

РУ. И они будут побеждены.

ПАСТЕР. А если организм Жюльена не перенесет последней инъекции — меня обнесут в его гибели. И это будет конец работе всей моей жизни. Всею кожей.

РУ (заботливо наклонившись над Пастером). Дорогой профессор, пожалуйста — мне принести подушку и устроить вам здесь хотя бы маленький сон. А я пока подниму вверх к Жюльену. (Присовокупив подушку, кладет ее на спинку кресла и укрывает ноги Пастера пледом).

ПАСТЕР. Вы совсем забываете меня, Ру.

РУ. Меня именно об этом просила мадам Пастер.

ПАСТЕР (улыбается и закрывает глаза). Спасибо, Ру.

(РУ из щелочек выходит. За окном светает заря. В пении слышен голос какой-то предрасветной птички, но через мгновение стук в голову в глубине дома заставляет Пастера вздрогнуть и открыть глаза).

М. БУЖЕ (входя в комнату. Она в каноте и в панталотках). О, праведное небо! Это какой то травоядник. Он идет прямо сюда. Он оттолкнул меня и Жака и идет прямо сюда.

ПАСТЕР (пристально смотрит на дверь, в которую быстро и решительно входит пожилой человек с бородкой и лысиной). На каком основании...

НЕЗНАКОМЕЦ (перебывая). Сейчас я изложу вам мои «основания», сейчас изложу...

ПАСТЕР. С кем имею честь...

НЕЗНАКОМЕЦ (перебывая). Моя фамилия Палетье, сударь. Ага, я вижу, что она говорит вам кое-что.

ПАСТЕР. Да, она говорит мне.

ПАЛЕТЬЕ. Очень хорошо. Тем скорее вы поймете мои «основания». Я не люблю говорить загадками. Я иду к делу прямо.

ПАСТЕР. Прекрасное качество — даже для винобродовца.

ПАЛЕТЬЕ. Да, вы когда-то спасли мою фирму, предохранив непонятным способом тысячу бочек буржундского от брожения. Но, милостивый государь, бочки это одно дело, а маленькие дети совсем другое. И здесь не ждите от меня никаких уступок.

М. БУЖЕ. Ну, что я всегда говорю? Раз он мужчина, не ждите от него уступок. О, нет!

ПАСТЕР. М-ль Буже, я очень прошу вас пока заняться хозяйственными делами.

М. БУЖЕ. О да, я пойду сторожить у дверей. Может быть их там целая шайка. (Уходит).

ПАСТЕР. Я вас не понимаю, г-н Палетье, и должен вам напомнить, что вы находитесь в Париже, на улице Ульма, в доме ученого, а не в захваченной вами вражеской крепости.

ПАЛЕТЬЕ. Я очень хорошо помню, где я нахожусь, г-н Пастер. Я нахожусь в доме убитой моей племянницей, беззащитного ребенка, над которым вы производили свои сумасбродные опыты.

ПАСТЕР (с византийской энергией вскакивает со своего кресла, отбрасывая подушку). Г-н Палетье, вы ждете!

ПАЛЕТЬЕ. Что такое? Я лгу? Сегодня ночью я узнал, что моя маленькая племянница умерла на своей родине через несколько дней после вашей инъекции.

ПАСТЕР. Без моей инъекции ваша племянница умерла бы на несколько дней раньше и в более тяжелых мучениях. Вот и вся разница.

ПАЛЕТЬЕ. Но, но, но. Не хватайте через край, мой милый.

ПАСТЕР. Мой уважаемый г-н Палетье, хотя ваша обструкция доставляет мне большое удовольствие, но я должен предупредить, что если вы не уберете своего тона, я попрошу своего слугу выбросить вас за окошко.

ПАЛЕТЬЕ. Г-н Пастер!

ПАСТЕР. Г-н Палетье!

ПАЛЕТЬЕ. Вы вероятно намерены оправдываться?

ПАСТЕР. Я не позволю.

ПАЛЕТЬЕ. Но легко можете им оказаться.

ПАСТЕР (спокойно). В таком случае я буду иметь дело с представителями правосудия, а не с безграмотными людьми.

ПАЛЕТЬЕ. Уж не причисляете ли вы меня к последним?

ПАСТЕР. Вне всякого сомнения.

(ПАЛЕТЬЕ мерзнет его взглядом).

ПАСТЕР. А теперь садитесь в это кресло и выслушайте несколько слов.

ПАЛЕТЬЕ. Все наши слова мне заранее известны.

ПАСТЕР (невозмутимо). Когда ваша обезумевшая от горя сестра умоляла меня спасти ее единственного ребенка, я сказал ей, что считать спасение невозможным. Девочку привезли из отдаленной провинции тогда, когда вирус бешенства уже оказывал на ее слабый организм всю свою разрушительную силу. Вам вероятно известно, что племянница ваша от рождения была рахитична и... не совсем нормальна. При этих условиях никакие инъекции не могли бы вызвать иммунитета.

ПАЛЕТЬЕ. Говорите на человеческом языке и прекратите этот набор неясных слов.

ПАСТЕР. Мне кажется, вы только что сказали, что все мои слова вам заранее известны. Но мне больше почти нечего говорить. Я сейчас кончаю.

ПАЛЕТЬЕ. Очень рад.

ПАСТЕР. Когда ваша сестра пошла, что спасение невозможно, она не уходила от меня до тех пор, пока я не дал ей слова, что я все-таки сделаю инъекцию ее несчастной девочке, то-есть прививку, г-н Палетье, в надежде уж не на выздоровление, а хотя бы на небольшое облегчение неизлечимых страданий. И мне надо сказать, что страдания маленькой Луизы, о смерти которой я глубоко сожалею, были немного смягчены благодаря моим «сумасбродным опытам». Это все.

(М. БУЖЕ вносит поднос с утренним кофе)

ПАЛЕТЬЕ. Но этого мне мало, милостивый государь. Этого еще очень мало.

М. БУЖЕ. Раз он мужчина, ему всегда и всего мало. О, боже мой, что это за народ!

ПАСТЕР (сдерживая улыбку). Что же вам еще нужно, г-н Палетье?

ПАЛЕТЬЕ. Не мне, а вам нужно, г-н Пастер (входит Ру), ибо я готов с вами как член муниципалитета. Так вот, — нам надо, чтобы вы прекратили свои опыты. И я должен вам заявить, что если мы услышим хоть об одном подобном случае, вы будете объявлены сумасшедшим со всеми вытекающими отсюда последствиями.

М. БУЖЕ. А я должна вам заявить, сударь, что я уже давно послала за каретой и что она вас ждет у нашего дома с тем, чтобы увезти вас отсюда как можно дальше.

РУ. Bravo, м-ль Буже. Но я решаюсь просить г-на Палетье продлить на одну минуту удовольствие, которое он нам доставляет своим посещением. Г-н профессор, здесь один ваш знакомый, ваш пациент просит принять его.

ПАЛЕТЬЕ. Ага, вы продолжаете калечить несчастных.
ПАСТЕР (ше поднимая уставой головой). Нет, нет, никаких пещерно-дождя Ру, прошу вас. Сегодня мне это слишком трудно.

РУ (весело). Но он уже здесь, валяющаяся.

(ПАСТЕР неохотно поднимает голову).

(В дверях стоит Жюльен, еще очень слабый и бледный, но сияющий радостью).

ПАСТЕР. Жюльен! Боже мой... Какое белое счастье!

ЖЮЛЬЕН (бросаясь к нему и припаки к его плечу). Г-н Пастер, г-н Пастер, Я буду жить: я здоров... и это все вы... для меня... Вы сделали.

ПАСТЕР (с глубокой теплотой). Я счастлив, мальчуган, счастливы за тебя... и за свое дело.

РУ (обращаясь к Палетье). Этот мальчик, сударь, был искусен бешеной собакой. На его теле вы можете видеть следы четырнадцати укусов. Благодаря помощи профессора достаточно было бы и одного, чтобы этот мальчуган уже покончил на своем джорданском кладбище. И так — результат «умных свободных» опытов профессора Пастера перед вами. Но может быть вам этого мало?

М. БУЖЕ. Карета вас ждет, сударь. И, если бы я была г-ном Пастером, я решила бы повторить то, что обычно заявляют мужчины, я сказала бы что этого для вас еще мало.

(ПАЛЕТЬЕ уходит, стараясь сохранить гордый вид).

РУ (с веселым смехом). Вот видите, дорогой м-ль Буже, и мужчины говорят иногда слегка истинно. Разве вам не приходилось слышать истину не только от г-на профессора, но даже от меня?

М. БУЖЕ. Да, м-сье Ру, несомненно. Но я никогда не приносила вас к особенно г-ну профессору, к мужчинам. Никогда в жизни.

РУ. Я очень признателен вам, м-ль Буже. А что вы скажете, г-н профессор?

ПАСТЕР. Скажу, что м-ль Буже ослепла, и попрошу ее наполнить сегодня своим знаменательным кофе нас всех троих, — вот здесь, у моего кресла: вас, меня и Жюльена.

М. БУЖЕ. С большим удовольствием, г-н профессор. Сегодня булочка и сливки особенно хороши. (Готовит столик).

ПАСТЕР. Жюльен, когда я смотрю на тебя, я вспоминаю себя в твои годы. Тебе нужно учиться грамоте, мальчуган. Нужно научиться читать хорошие книги. Ты понимаешь — какое это счастье. Ты хочешь учиться?

ЖЮЛЬЕН. Я-то хочу, а вот отец-то что скажет. И кто будет ставить пасти? Меня-то уж все короны знают.

РУ. Ну, с отцом можно спориться. А короны не будут особенно возмущаться против нового пастуха.

ПАСТЕР. Когда я был твоим ровесником — я окончил среднее училище и поступил в Высшую нормальную школу. Нормальная школа! Боже мой, как много связано для меня с этим названием. Постойте, Ру, неужели же... Нет, как я мог об этом забыть? У меня нет сегодня никаких сил. Я слаб, дорогой Ру, как курица после инъекции. (Отпускает голову и кажется задремавшим. Ру и Жюльен смотрят на него, не двигаясь. В открытые окна падают околки кресла Пастера кем-то брошенные цветы).

ПАСТЕР (открывает глаза и видит их). Что такое? Я начинаю как будто бредить. Мне казалось, что эти цветы влетели в окно моей лаборатории.

РУ (выглядывая в окно). Это так и есть на самом деле, но здесь никого не видно.

М. БУЖЕ (выглядывает также). Нег ничего.

ЖЮЛЬЕН (подлив цветы). Я таких еще не видал. А душники до чего! У вас таких не растет.

ЗВОНКИЙ ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ. Можно мне войти?

ПАСТЕР. Голос так чист и нежен, что отказать невозможно.
(РУ открывает дверь, в которую входит молоденькая девушка в светлом платье с букетом в руках).

ПАСТЕР. Боже мой, — нет, я в самом деле начинаю бредить: мне кажется, что сама весна вошла в царство пробирок. А вы что скажете, Ру? РУ. Что вы правы, как всегда.

ПАСТЕР. Как ваше имя, весна? Это вы бросили мне в окошко цветы?

ДЕВУШКА. Мое имя Жанна, Жанна Рибо — эта фамилия вам хорошо известна.

ПАСТЕР. Вы правы, весна. Она известна: Франсуа Рибо — учитель Нормальной школы...

ЖАННА (перебивая). Да, а наш младший брат — маленький Поль Рибо спасен вами от страшной болезни. Боже мой, дорогой г-н Пастер, вы так много, так бесконечно много для нас сделали. Благодаря вашей помощи Франсуа теперь лучший учитель школы, а маленький Поль... Маленький Поль... совсем умирал еще недавно, а сегодня он наконец вышел в сад. И что он посылает вам цветы, и у нас нет матери... и я одна отвечаю за его жизнь. Ну, скажите, как, чем я могу поблагодарить вас?

ПАСТЕР. Дитя мое, одним вашим появлением вы уже отблагодарили меня, — да по-моему и Ру также. Вы согласны, Ру?

РУ. Разве я когда-нибудь был с вами не согласен?

ЖАННА. Если бы вы позволили мне поцеловать вашу руку?

ПАСТЕР (смеясь). Что вы, — я не аббат.

ЖАННА. Я хотела бы помогать вам в лаборатории, делать самую простую работу, но помогать. Я могу ходить за крошками...

ПАСТЕР. Вы слышите, Ру?

ЖАННА. Могу держать все в порядке, вести записки...

ПАСТЕР. Словом, вы хотите быть нашим секретарем. Впоследствии и Жюльен у вас будет работать. Хотите, Жюльен?

ЖЮЛЬЕН (радушно). Я-то? Да я-то хочу, а вот отец-то что скажет.

М. БУЖЕ. Ну, может быть ради г-на профессора он забудет на одну минуту о том, что он мужчина, и согласится на маленькую услугу.

ПАСТЕР. Что же, милая весна, — то-есть я хотел сказать — Жанна Рибо, — я не возражаю. И, если меня не обманывают мои глаза, Ру очень далек от возражения.

РУ. Ваши глаза, дорогой профессор, всегда видят то, что вообще говоря — скандально.

ЖАННА (Пастеру). А можно мне вас поцеловать?

ПАСТЕР. Если вам не противно поцеловать большого старика... (ЖАННА подходит к Пастеру и горячо, но детски целует его).

ПАСТЕР. Ну, после этого я обязан выговорить.

ЖАННА. Неужели вы серьезно больны? Это было бы ужасно.

ПАСТЕР. Я не болен, дитя мое, а просто переутомлен, но я не в силах пойти сегодня даже в Нормальную школу. Первый раз в жизни я не буду участвовать в празднике.

ЖАННА (снова). Нет! Вы будете в нем участвовать! Разве он может пройти без вас... Школа сама пришла к вам сегодня.

РУ. Я сию минутку вернусь, дорогой г-н профессор. (Исчезает).

ПАСТЕР. Школа сама пришла ко мне?

РУ (возвращаясь). Весь двор в сад полны учениками. Нормальная школа хочет приветствовать вас в день своего юбилея. Что мне сказать им?

ПАСТЕР (медленно поднимается с кресла, опираясь рукой о свой рабочий стол). Скажите им, Ру, что сегодня самый счастливый день в моей жизни, и откройте шире двери! Как можно шире! Потому что сейчас сюда войдет молодая жизнь и молодая наука.

(Шум, приветственные крики, все нарастающее веселье).

ЖЕНА

Пьеса в I действии М. Левиной (по рассказу Е. Кононенко)

Тема — забота о раненых бойцах Красной Армии.

Краткое содержание

Летчик Иванов выписывается из госпиталя после тяжелого ранения. У него ампутирована рука. Он чувствует себя никому не нужным инвалидом и решает не возвращаться к горячо любимой жене, боясь, что она отвернется от него. Между тем старый врач, Николай Александрович, успешно прививается к своему пациенту, уже давно почувствовав его тяжело душевное состояние. Тайком от Иванова старик вводит в переписку с его женой, Таней, которая и приезжает в госпиталь перед самой выпиской мужа. Происходит неожиданная для Иванова встреча. Он ожидает разрыва. Каково же его счастье, когда Таня, вместо того чтобы отвернуться, бросается к нему с удивленной любовью и радостью. А довольный доктор, смотря на них, повторяет про себя: «Хороша жизнь — чертовски хороша.»

Характеристика действующих лиц

КАПИТАН ИВАНОВ — летчик-герой, сбивший десять мессершифтов молодой человек, энергичный, решительный, смелый. Он горячо любит жену и страстно мечтает увидеть поскорей ее. Вместе с тем его неустанно преследует мысль об «уродстве» после ранения. «Кому я нужен такой?» — повторяет он сам себе. Случайный эпизод с брошенным известием соседом товарищем еще более убеждает его в мнимом одиночестве. Он начинает сомневаться даже в Тане, в силе ее привязанности к нему. «В конце концов она ведь тоже женщина, как все другие». Но под конец пьесы настроения Иванова резко меняются. Он видит кругом себя столько любви, участия, ласки, что забывает все свои мрачные мысли.

Одет Иванов в форму летчика. Левый рукав гимнастерки засунут за пояс. На груди боевой орден. В руке костыль. Он высок ростом, строен и красив. Лицо бледное. Взгляд грустный. Движения нервные — то стремительные, то замедленные.

ДОКТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — старый, опытный врач — энтузиаст с чуткой, отзывчивой душой. По натуре это убежденный оптимист, сохранявший до старости любовь к жизни и к людям. Он относится к Иванову как к сыну, но, вместе с тем, возмущен им и не успокаивается до тех пор, пока не вылечивает не только его рану, а и душевную травму. С внешней стороны Николай Александрович имеет довольно серьезный, временами суровый вид. Тем ярче выступают его скрытые душевные качества. На нем белый расстегнутый халат и белая же шапочка хирурга. Седые волосы, небольшая бородка, очки.

ТАНЯ — бодрая, сильная духом, молодая женщина, по-настоящему глубоко любящая своего мужа. Лицо открытое, милостивое. Глаза ясные, лучистые. Во всем облике — огромная жизнерадостность. Одеты в светлое цветное платье. С ее приходом на сцену должно врываться что-то яркое, красочное, веселое.

Оформление

Действие происходит в отдельной палате госпиталя — небольшой светлой комнате, обставленной самой необходимой мебелью. Сбоку на стене ящик или письменный стол. На столе ваза с букетом живых цветов. Чисто, опрятно. Яркое солнце. Полная тишина. Хорошо, если имеется возможность, начинать представление музыкой (например прелюдией Шопена).

ЖЕНА

Пьеса в I действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Абраменко Николай Александрович — старый врач
Иванов — летчик, капитан
Татьяна Ивановна — его жена

Место действия — один из московских военных госпиталей.
Время — наши дни.

Отдельная палата. На столике букет цветов, фотография молодой женщины, несколько книг. В глубине дверь в коридор. Сбоку открытое окно в сад.

На постели сидит Иванов. На лице несколько шрамов и ожогов. Рядом с ним лежит костыль.

(Пауза)

ИВАНОВ (перечитывает только что написанное им письмо) «...Теперь ты знаешь все. Больше мы не встретимся... Прощай. Будь счастлива... Григорий»... (Берет в руки фотографию и долго смотрит на нее. Шум за дверью. Иванов быстро оправляется, ставит фотографию обратно на столик, а письмо сует в карман, выключает радио, опускает в почтовый ящик письмо).

АБРАМЕНКО (входит, Лукаво улыбается. С таинственным видом прикрывает за собой дверь). Ну-с, молодой человек, пришел проститься с нами. Сейчас выписываем... Теперь могу сказать откровенно: фашисты постарались как могли, чтобы вам была крышка... и все такое... А вы «еще раз подлечитесь» утерли.

ИВАНОВ. Я тут же при чем. Это ваша заслуга, доктор. (Поднимается на костылях и медленно проходит к окну).

АБРАМЕНКО. П-да... Одиннадцать операций, дорогой мой. Одиннадцать! Шутка ли? Дух захватывало порой, честное слово... Зато вот теперь смотришь на вас и чувствуешь этакое профессиональное удовлетворение. Значит, черт возьми, старик-то еще на что-то годен. Годен-с... и все такое...

ИВАНОВ. Спасибо вам, доктор, за все... по...

АБРАМЕНКО. А что значит это по... И все такое. (С удивлением смотрит на него). Почему вы, как будто, того-с... не очень рады своему воскрешению из мертвых? А?

ИВАНОВ. Кому я нужен такой!

АБРАМЕНКО. Вы с ума сошли, Иванов! Перестаньте... нервы и все такое... Возьмите себя в руки... Как вам не стыдно? Кому он нужен? Дурень вы этакий... Как кому? Всем. Стране: Родине, за которую пролили

жрива. Человечеству! Да-с, человечеству! Вы не сможете больше летать и все такое. Но разве вам не найдется другого дела? Ну-ка вы!

ИВАНОВ. Да, все это так... Но у каждого есть еще свое личное.

АБРАМЕНКО. И личное у вас дай бог всякому. Все телефоны в госпитале обрывают. Сколько друзей, товарищей — знакомых и незнакомых. Груда писем, корзины писем. И все закле. Посмотрите, какова сырость. Весна пошла, птицы, ведь это все заше. Это жаль. Прекрасная жизнь.

ИВАНОВ. Конечно, я найду место в жизни, па...

АБРАМЕНКО. Что еще придумали, лейтенант?

ИВАНОВ. У меня молодая жена... Молодая, красивая...

АБРАМЕНКО. И что же! Насколько мне известно, она жива, здорова. Почтальоны устали носить от нее письма в наш госпиталь.

ИВАНОВ. Да, Таня пишет прекрасные письма. Ее письма для меня воздух. Мы любим друг друга и очень дороги друг другу. Но я, доктор, я должен вам признаться. Может это глупо... Я не писал ей про это, не мог... не мог... Скрыл!

АБРАМЕНКО. Глупо. Простите старика, непроходимо глупо, и не такое... Дети должны снимать шапки, встречая вас на улице. Жена должна гордиться, ведь вас под руку по городу.

ИВАНОВ. Ах, доктор. Вы — идеалист. Все это верно... верно. Но когда Таня увидит мое уродство... Дело — табак... В конце концов все женщины это лишь женщины.

АБРАМЕНКО. Неправда-с! Да-к и все такое... Память у вас видимо отшибло. Желатина, видите ли, в вашей спине плохая! Вы забыли что ли санитарную дружинницу Нелю? Как она ползком тащила вас под огнем? Она ведь тоже женщина, позвольте вам заметить-с. А наша сестра — Катя Зина? А мой ассистент — Анастасия Сергеевна? Сколько бессонных ночей она просидела около вас, чтобы вернуть вам жизнь. Неблагодарный де после этого субъект. И все такое.

ИВАНОВ. Вы меня не так поняли... Я бесконечно признателен, но все же я думаю иногда... по ночам... Мучительные ночи...

АБРАМЕНКО. Что такое?

ИВАНОВ. Хочу похлопотать в незалитый дом... Вы позните, мой сосед по койке, Вася Курочкин? Он уже там. Родных у него ног, а невеста отказалась от него.

АБРАМЕНКО. Так ведь это была не невеста, а... Послушайте, не терзайте свою голову дурацкими мыслями. Не для того я ее чинил.

ИВАНОВ. Что бы Таня мне написала, если б знала?

АБРАМЕНКО. А она и знает.

ИВАНОВ. Звезет?

АБРАМЕНКО. Может быть. Да, если на то пошло, она может и сама приехала. Здесь вот стоит и ждет свиданья с вами! (Делает движение к двери). А вы тут юны разводите.

ИВАНОВ (останавливает его). Не пускать! Не пускать сюда! Я не могу! Она испугается меня!

АБРАМЕНКО. Прекратите это с, того, как сго... А еще десять мессершмиттов сбей! Противно видеть. Я в вас разочаровался, молодой человек... И все такое...

ИВАНОВ (в отчаянии). Но я не могу! Поймите... Как же я ей покажусь? Как! Нет, нет. (Опускается на кровать и зарывается лицом в подушку). Урод! Калека!

(Вбегает Татьяна Иванкина)

ИВАНОВ. Таня!

ТАНЯ. Гриша... Гриша, не смей так говорить... не смей... ты остался тем же, кем был! Я все знаю про тебя. Доктор мне обо всем рассказал... Ты храбро сражался за меня, за всех нас, за родину.

ИВАНОВ. Таня...

ТАНЯ. Если бы ты знал, как ты мне дорог, родной мой, сердце мое, дурень ты мой. Ведь я же буду гордиться тобой!

АБРАМЕНКО (выходит). Ну вот, и все в порядке.

ИВАНОВ. Доктор! Вы — чудесный человек.

ТАНЯ. Милый доктор!

АБРАМЕНКО. Чудес в наш век не бывает-с. Да-с, не бывает-с.

ТАНЯ. Спасибо, доктор, за все...

ИВАНОВ. Спасибо вам!

АБРАМЕНКО. Ну, довольно-с. Basta! И все такое. Я достал вам машину до вокзала, — так что собирайтесь-ка, да скоренько.

ИВАНОВ. Прощайте, доктор.

АБРАМЕНКО. Прощайте, прощайте.

ИВАНОВ. Можно вас подкачать? (Целует).

ТАНЯ. Прощайте к нам, Николай Александрович!

ИВАНОВ. Обязательно приезжайте к нам, доктор.

(Уходит)

Голос ИВАНОВА. До свиданья, доктор! Еще раз спасибо.

Голос ТАНИ. Прощайте, милый, дорогой Николай Александрович.

АБРАМЕНКО (машет рукой). Покатили. Эх, жеруша жизнь! Чортоски жеруша. И все такое...

БЛИЗКИЙ РОДСТВЕННИК

Пьеса в 2 картинах Н. Шаповаленко.

Тема — шефство советской молодежи над ранеными воинами Красной Армии.

Краткое содержание

Ленинград. Самые тяжелые дни блокады. В одном из госпиталей для перво-больных находится лейтенант Максименко, страдающий сильной душевной депрессией. Он — украинец. Все его родные и знакомые застряли в областях, захваченных немцами. Кругом сплошь чужие, ни одного близкого человека.

Врачебный персонал во главе с профессором ничем не может помочь Максименко. Но тут приходит молодежькая студентка, Оля Красовская, которая ведет в госпитале шефскую работу. Профессор решает сделать опыт: выдать Олю за родственницу Максименко. Студентка-шеф так искусно ведет свою роль, что больному начинает верить, будто ему посчастливилось встретить близкого «родича», отчего в его самочувствии, наконец, происходит перелом к лучшему.

Характеристика действующих лиц

ИВАНОВ — профессор-хирург, старый врач с мировым именем, беззаветно преданный своему делу и родине. Несмотря на все опасности он остается в Ленинграде и продолжает работать. У Иванова чуткое, отзывчивое сердце. Он любит молодежь. Ему очень хочется помочь больному лейтенанту, и он бесконечно рад, когда при содействии Оли это удается сделать.

Иванов высок ростом, представительен и энергичен, несмотря на свои 62 года. Голова седая. Небольшие усы. Одет в валенки, шубу, помех которой пытаются белый халат.

ОЛЯ — совсем юная студентка, работящая, самостоятельная. У нее острый, находчивый ум, много веры, настойчивости. От нее исходит такой жизнерадостностью, что она кажется очаровательной. Навесей телаша шапка с шпильками, короткая шубка и ботинки. В руках постоянно книга.

МАКСИМЕНКО — лейтенант; герой и «слабый параш» по отзыву профессора. Он страдает от одиночества, от острой тоски по родной Украине, захваченной немцами, терлет волю к борьбе, близок к отчаянию. Но стоило Оле заронить в его душу искру надежды, как ему снова, с еще большей силой, хочется жить и бороться. С внешней стороны Максименко красивый, немного мешковатый молодой человек с добрыми глазами и грустным лицом. Говорит с ослышным украинским акцентом, в его речи много украинских слов. Одет в больничный халат.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА — ассистент профессора, его ближайший помощник, верный человек и прекрасный работник. Она всячески оберегает Иванова, заботится о нем. Их связывает долготелый совместный труд и глубокая взаимная дружба. Надежде Николаевне уже за пятьдесят, но она выглядит, несмотря на усталость, еще красивой и бодрой.

Оформление

Первая картина пьесы происходит в кабинете профессора; вторая в соседней палате, где помещен Максименко. Обстановка самая обжитая. Необходимо только, чтобы чувствовался холод и суровая напряженность боевой ленинградской зимы 1942 года. Полезно ввести музыку и шумовые эффекты.

БЛИЗКИЙ РОДСТВЕННИК

Пьеса в 2 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иванов Дмитрий Михайлович — профессор-хирург, 62 года
Красовская Оля — 18 лет,
Максименко Николай Петрович — лейтенант, 29 года
Надежда Николаевна — врач, ассистент профессора
Место действия — Ленинград. Одня из госпиталей для раненых.
Время — зима 1942 г.

Картина 1-я

Кабинет дежурного врача

(Пауза)

ИВАНОВ (заходит в сопровождении ассистента. Белый халат, на голове очки, волосы в беспорядке, вид усталый). Ну, теперь как будто все в порядке?

НАДЕЖДА НИК. Все, все. Поезжайте домой. У вас очень усталый вид.

ИВАНОВ. Я... признаюсь, немного утомился...

НАДЕЖДА НИК. Немудрено. Двое суток на ногах, без сна, напряженной работы. И в наши годы...

ИВАНОВ. Это глупо... Раньше, бывало, по неделям не отдыхал, а теперь стал спать... Старость не редкость...

НАДЕЖДА НИК. Позвольте помочь вам надеть пальто.

ИВАНОВ. Что вы?... Зачем?... Я сам... Сам... Кстати... была сегодня погода?..

НАДЕЖДА НИК. Как же. Шесть раз.

ИВАНОВ. Представьте, а я и не заметал. Иной пал?

НАДЕЖДА НИК. Нет. Не беспокойтесь. Поезжайте домой...

(Звонит телефон)

НАДЕЖДА НИК. (подходит к столу, берет телефонную трубку). Да. Надежда Николаевна... Ах, это вы, сестра... Что скажете?

ИВАНОВ. Хорошо. Я сейчас приду и к вам корпус. (Вешает трубку).

ИВАНОВ. Новое что-нибудь?

НАДЕЖДА НИК. Нет. Опять Максименко...

ИВАНОВ. Эх, бедняга! Как бы он не скончался чего-нибудь с собой...

НАДЕЖДА НИК. Вы, профессор, пожалуйста, не беспокойтесь и поезжайте домой. Я все сделаю одна. (Уходит).

ИВАНОВ (в раздумьи). Ничего не сделаешь. И я не сделаю... Тут от той медицины мало... Тут нужна помощь со стороны. При том особенная тонкая, чуждая... А как ее найти? Откуда?

ОЛЯ (входит веселая, бодрая, жизнерадостная. Подмышкой несколько книг). Здравствуйте, профессор.

ИВАНОВ (с радостью). А, беглянка! Где вы пропадали?

ОЛЯ. Экзамены сдавала.

ИВАНОВ. А я думал, не обожгла ли, как некоторые.

ОЛЯ. Что вы? Пришлось походить денсательно. По правде говоря, из-за шефской работы немного запустила учебу. (Достает из-за пазухи цветок и подает его Иванову). Это вам...

ИВАНОВ. Откуда такая прелесть сейчас в Ленинграде?

ОЛЯ. Сама выходила. На окне. Слегка обкладывала.

ИВАНОВ. Спасибо... Ну, и как? Сдали?

ОЛЯ. Сдала. Даже на отлично.

ИВАНОВ. Молодец! Очень рад за вас.

ОЛЯ (указывая на книги). С последнего прямо к вам.

ИВАНОВ. И весьма кстати. Спасибо. Если бы вы только знали, как мне нужны!

ОЛЯ. Так что же вы меня не вызвали? Мой адрес здесь есть.

ИВАНОВ. Адрес? Не сообразил.

ОЛЯ. Давайте скорее задание, соскучилась.

ИВАНОВ. Задание! (В раздумьи). А вы это или не вы?

ОЛЯ. То-есть как я или не я? Я вас не понимаю.

ИВАНОВ (в раздумьи). Случай трудный... Вот я и не знаю, — вы или не вы.

ОЛЯ. Трудный? Тем интереснее. (Откладывает книги, садится и говорит по-деловому). Говорите.

ИВАНОВ (достает одну из карточек). Ну, слушайте. Его фамилия Максименко.

ОЛЯ (повторяет как задание в задаче). Максименко...

ИВАНОВ. Зовут... Николай Петрович.

ОЛЯ. Николай Петрович.

ИВАНОВ. Двадцать два года.

ОЛЯ. Двадцать два года.

ИВАНОВ. Украинец.

ОЛЯ. Украинец...

ИВАНОВ. И все. (Окладывает карточку).

ОЛЯ. Все?

ИВАНОВ. Да... Вам же же нужны наши специальные сведения.

ОЛЯ. Позвольте, а разве из разговора, из...?

ИВАНОВ. Он ни с кем не разговаривает.

ОЛЯ. Тогда от друзей, знакомых...

ИВАНОВ. У него их нет.

ОЛЯ. Но приходит же кто-нибудь навестить?

ИВАНОВ. Никто. Ни разу.

ОЛЯ. А письма?

ИВАНОВ. Ни одного.

ОЛЯ. Почему же так получилось?

ИВАНОВ. Не знаю... Он замыкнулся в себя. Должно быть тяжелая душевная травма. Мало ли их сейчас?

(Пауза)

ОЛЯ (растерянно). Действительно... случай трудный... У других имели хоть маленькая зацепка, от которой можно было оттолкнуться... Тут же украинские со всеми неизвестными...

ИВАНОВ. В том-то и дело... Со всеми неизвестными... (Со вздохом). Как ни жаль, придется на этот раз отказаться от ваших услуг. (Снимает перчатки пальто и накидывает его на плечи). Досадно... Очень досадно...

ОЛЯ. Вы куда?

ИВАНОВ. К нему.

ОЛЯ. А что?

(ИВАНОВ машет рукой и направляется к двери).

ОЛЯ (после него). Дмитрий Михайлович!

(ИВАНОВ останавливается, вопросительно глядя на Олю).

ОЛЯ. Разрешите все-таки пойти с вами...

ИВАНОВ. Зачем?

ОЛЯ. Может быть по дороге я что-нибудь придумаю.

ИВАНОВ. Да тут же пути всего два шага.

ОЛЯ. Ничего не значит. Я могу так... и самую последнюю минуту... Сегодня утром, например, на экзамене математики. Снова — решаю задачу... Ничего не выходит... Наконец, наш математик говорит: «Ну, что же, товарищ? Видно, придется вам явиться второй раз». Я от его слов прямо похолодела... И вдруг как накатит все сразу вышло...

ИВАНОВ. Любопытное психологическое явление. Давайте, попробуем... В самом деле, вдруг — как это вы выражаетесь? — накатит... Хорошо было бы, если б накатило. Очень хорошо. Гм... Да... Накатит... Хорошо... Я тоже люблю, когда... накатит... И возьмите с собой на всякий случай... этот... свой цветик... (Уходит).

На просцениуме

ИВАНОВ (входит в сопровождении Оли. Останавливается). Вот же его корпус... Ну, что? Придумали?

ОЛЯ (в смущении). Заколдовало... Как ни прикидываю... Главное — ничего оттолкнуться... Все от этого...

ИВАНОВ. Нет, тут другое, уважаемый товарищ! Вы просто устали после экзаменов. Отиривайтесь-ка лучше домой, да отдохните... Человек не машина. Поможете мне в другой раз, как-нибудь. Конечно жаль... Герой... (Направляется дальше к бараку). Да и парень славный... по-ничего же поделаться. Приходится считаться с реальными возможностями. Да!

ОЛЯ (продолжает стоять. Шопотом, очень серьезно). Николай Петрович... двадцать два года... украинец... (Задумывается). Ук-ра-ин-ец... (Вдруг разом все преобразуется). Украинец? (Кричит в догонку Иванову). Постойте! Подождите! Профессор!

ИВАНОВ (задерживается, с удивлением). Что случилось?

ОЛЯ. Накатил...

ИВАНОВ. Не может быть?

ОЛЯ. Чистое слово... (Подбегает к нему. Снова весела и возбуждена). Знаю, от чего оттолкнуться. Знаю.

ИВАНОВ. Замечательное психологическое явление.

ОЛЯ (энергично). Идемте к нему. Идемте, идемте... (Тянет недоумевающего профессора за собой).

ИВАНОВ. Тише, не так энергично... Мне ведь все-таки 62 года, с вашего позволения. Гандишкины брать уже трудновато. Да еще когда проработавшь две суток без отдыха. (Скрывается).

Картина 2-я

Отдельная палата

(МАКСИМЕНКО лежит на койке и прислушивается к тому, что делается вокруг него).

(Приемный час, коридор полон посетителями. Из коридора и соседних па- дат доносятся оживленный разговор, радостные восклицания, счастливые смех).

МАКСИМЕНКО (нервно). От машины до готовить. Не мае спокоем (В отчаянии). Хоть бы едакнуть... Прямо и жить не хочется... (Закрывает голову подушкой, чтобы ничего не слышать, шепотом). У всех батько, ма- ты, товарищи... гарни дивачны... (С болью). Счастливые!.. (Варит промок- смеха за дверью). А ты, як перест, одынь...

(Пауза)

НАДЕЖДА НИК. (Экхидит бесшумно, прикрыв за собою дверь. Подхо- дит к кровати, смотрит на лежащего неподвижно Максименко, потом в столбе, где стоят петропунтые лекарства. Качает головой и произносит пошлостя). Максименко... Вы спите?..

(МАКСИМЕНКО молчит).

НАДЕЖДА НИК. Как ваше самочувствие?

(МАКСИМЕНКО молчит).

НАДЕЖДА НИК. Почему вы не принимаете лекарства?

(МАКСИМЕНКО молчит).

НАДЕЖДА НИК. Не нужно ли вам чего-нибудь?

(МАКСИМЕНКО молчит).

НАДЕЖДА НИК. Ответьте хоть, по крайней мере.

МАКСИМЕНКО (глухо). Ничего и никакого мне не треба. Оставь- в покое. (Позорачивается лицом к стене).

(Пауза)

НАДЕЖДА НИК. (стоит растерянно, не зная что предпринять).

(ИВАНОВ появляется на пороге).

НАДЕЖДА НИК. (с удивлением). Как! Вы все-таки не уехали домой (ИВАНОВ показывает жестами, чтобы она оставила палату).

НАДЕЖДА НИК. (входящая мимо него, шопотом). Что это значит?

ИВАНОВ (тоже). Сложный эксперимент...

(НАДЕЖДА НИК. уходит).

(Пауза)

ИВАНОВ (осторожно). Друг мой...

МАКСИМЕНКО (рвато). А, шо-б вам! Да кончатся ли это когда-ни- будь? Хоть лезь в петлю... (вскрывает и оказывается лицом к лицу с Ивановым). Ой... Ты вы, профессор... Извините... (Отходит).

ИВАНОВ. Ничего, ничего, голубчик... Понимаю: соскучались вы у нас. Обстановка, действительно, тяжелая. Не с кем слова сказать по душам. Это теперь власть наговоритесь... Я привез к вам вашего родственника.

МАКСИМЕНКО. Якого там родича.

ИВАНОВ. Близкого.

МАКСИМЕНКО. Немае у мене ни близьких, ни дальних...

ИВАНОВ. Как нет? Я только что говорил с ним.

МАКСИМЕНКО (позорачивается и смотрит пристально на Иванова). По- ворачи... Де?

ИВАНОВ. В коридоре.

МАКСИМЕНКО. Якого там родича...

ИВАНОВ. Он сейчас стоит там за дверью и ждет.

МАКСИМЕНКО. Ошибка...

ИВАНОВ. Никакой ошибки. Я впрочем переспросил.

МАКСИМЕНКО. И он сказал, что пришел до меня?

ИВАНОВ. Да.

МАКСИМЕНКО. До мамы?

ИВАНОВ. Ну, да. К вам.

МАКСИМЕНКО. От чудово!

ИВАНОВ. Почему? Сегодня же прекрасный день.

МАКСИМЕНКО. Ничего не разумно... Родич? Ничего не разумно... ИВАНОВ (осторожно). Может быть вы все же пришли бы его... Чело- век пришел навестить... Да и вам повеселей...

МАКСИМЕНКО (после небольшой паузы). Нехай буде так...

ИВАНОВ (подходит к двери, открывает ее и говорит громко). Войдите, товарищ.

(Входит Оля. На ней белый халат. В руке букет).

(МАКСИМЕНКО приближается и с удивлением смотрит на прибли- жающуюся к нему незнакомую, улыбающуюся девушку).

(ИВАНОВ выходит в коридор и следит из-за двери за разыгрывающей- ся в палате сценой).

ОЛЯ (к Максименко оживленно и с чуть заметным украинским акцен- том). Дорогой Николай Петрович! Наконец-то вижу вас. Обегала все гос- пстала, пока разыскала.

МАКСИМЕНКО (не может сразу оправиться от удивления). Но... я... вас... не знаю...

ОЛЯ (перебивает). Выглядите вы отлично. Гораздо лучше, чем я пред- полагала. Без сомнения дело идет на поправку. Поздравляю. От всей души, МАКСИМЕНКО. Тут какое-то недора...

ОЛЯ (снова перебивает). Вот принесла вам и подарок. (Протягивает букет). Что? Вы не хотите брать? А я-то доставала его с таким трудом.

МАКСИМЕНКО (берет в смущении букет). Ни... Вы не поняли... Хочу, Дуже хочу... Только боюсь, что...

ОЛЯ (указывая на стакан с водой). Поставьте его сюда, в воду. Тогда он сохранится до следующего приемного дня, когда я привезу новый. Та- ким образом у вас на столике всегда будут цветы.

МАКСИМЕНКО (промушкетенно). Благодарю. Ще так приятно и не- ждажно...

ОЛЯ. Я бы пришла гораздо раньше... Да лишь вчера узнала про вас от одного нашего студента украинца.

МАКСИМЕНКО. Украинца... Да разве они здесь е?

ОЛЯ. Как же, в Ленинграде нас даже много.

МАКСИМЕНКО. Ой... Значит и вы тоже... Моя землячка?

ОЛЯ. Конечно. Иначе каким образом я могла бы быть вашей род- ственницей?

МАКСИМЕНКО. Да неужели вы в самом деле мой родня?

ОЛЯ. Удивляюсь, как это до сих пор не было известно вам, Николай Петрович?

МАКСИМЕНКО. Ей-богу, никогда ни разу ни от кого не слыхивал. С какой же стороны?

ОЛЯ. А ваш отец для меня дядя Петру, — двоюродный брат моей ма- тери... И вместе с тем, замечательный денер... моему отцу...

МАКСИМЕНКО. Хоть убей, ничего не понимаю. Другими словами вы мне седьмая вода на киселе.

ОЛЯ. Вовсе не вода и не на киселе, а двоюродная... племянница.

МАКСИМЕНКО. Племянница?... Звычайно... Уж вы, чего доброго, не из Горбиковых ли?

ОЛЯ. Ну, ясно. Паря, кажется, догадаться.

МАКСИМЕНКО. Тогда не иначе будьте, как из под Хорола. Там, что ни человек, то Горбико.

ОЛЯ. Верно. Из под самого Хорола. Теперь вспомнили?

МАКСИМЕНКО. Как будто старый дяд и впрямь говорил, что в тех местах е наши родичи...

ОЛЯ. Что? Видите?... Дедушка уж знаток по части родства!

МАКСИМЕНКО. Маты мой! Не думал, не гадал и вдруг нашел пле- мянницу... Так садяте ж. Будьте ласковы.

ОЛЯ. Дакую. (Садяте и бросает вопросительный взгляд в сторону двери).

(ИВАНОВ кивает одобрительно головой).

ОЛЯ (про себя). Пока все идет благополучно...

МАКСИМЕНКО. Ох, и богат же наш край! Богаче, пожалуй, моей родной Полтавщина.

ОЛЯ (неожиданно). А вам разве приходилось бывать когда-нибудь у нас?

МАКСИМЕНКО. Ни... Лишь проезжал мимо одражды по дороге в Киев. ОЛЯ (одобрительно). Жаль, что не остановились. Может еще тогда познакомились бы. Я поведу вас всюду. Встречу чем полюбозаваться...

МАКСИМЕНКО. Я как сейчас помню... Куда вы едешь, до самого края земли море пшеницы... Подует ветерок — точно волны побегут по нему... Или потянутся без конца сады. В них так и гнутся под тяжестью плодов ветки черешен, слив, яблоны, груши... На грядах зреют арбузы, дыни, огромные тыквы, вылитые из чистого золота... Высокие подсолнухи, как часовые, выглядывают из-за плетней. Навстречу идут, выдвигая столбы пыли, одно за другим стада коров, овец, гусей... Отовсюду доносится веселый говор, радостные оклики, звонкая девичья песня. То уж наверно задирается голубочка Галя... А у калитки спонт мамы и машет мне рукой... Как стояла тогда... когда я уходил на войну...

ОЛЯ (осторожно). Где же они теперь?

МАКСИМЕНКО. Кто?

ОЛЯ. Ваша мать, Галя?

МАКСИМЕНКО опускает голову на грудь.

ОЛЯ. Неужели австрали там... с немцами?

МАКСИМЕНКО. Да... Все до одного... Я остался один. Зовсім один...

ОЛЯ. По-моему вам рано отчаиваться. Вы еще встретитесь со своими...

МАКСИМЕНКО. Ох!.. Того никогда не будет... Они все наверняка... уже погибли...

ОЛЯ. Отчего вы так думаете? У вас имеются сведения?

МАКСИМЕНКО. Нет... Но за войну я достаточно осмотрелся на немцев... И знаю, что такое — остаться жив, среди них...

ОЛЯ. Немцы зверье. Однако неизбежно, чтобы немцы непременно все погибли.

МАКСИМЕНКО (с проблемной надеждой). Вы предполагаете, что мои все-таки... могут... как-нибудь... спастись?

ОЛЯ. Не предполагаю, а почти уверена.

МАКСИМЕНКО. И вы... за своих не боитесь?

ОЛЯ. Боюсь, конечно... Но, вместе с тем, почему-то уверена, что когда-нибудь... снова встречу с ними... Обязательно встречу... Непременно (Любовно). Красная Армия уже гонит последнюю немцуру...

МАКСИМЕНКО. Вот и мамы моя говорит як вы. Послушайте, что она мне писала в своей последней шкатулке. Никому не читал, а вам прочту... (Достает письмо и читает). «Любый сынку! Де ты? И день и ночь думаю тільки про тебе. Чи, може, так и згину с гори? А все ж маю в сердци надію, що хоч перед смертю дасть бог обавити тебе и пригудити до своєї старій материнської груди»...

ОЛЯ (с подъемом). Видите? И там вас ждут. А вы еще смеете думать... (Напевает вполголоса).

Повей ветра на Украину,

Де покинув я дівчину...

(МАКСИМЕНКО смотрит на Олю и начинает счастливо смеяться).

(Звонок в коридоре)

ИВАНОВ (входит). Прием кончился

(ОЛЯ перестает петь и встает).

МАКСИМЕНКО. Как кончился?

ИВАНОВ (улыбается). Так.

МАКСИМЕНКО. Не может быть...

ИВАНОВ. Слышали звонок? Время истекло.

МАКСИМЕНКО. Даже скоро. Мы не успели ни о чем как следует в разговоре...

ИВАНОВ. Что делать? Поговорите в следующий раз.

МАКСИМЕНКО. Та еще хоть минуточку...

ИВАНОВ. Нельзя, здесь госпиталь. Надо исполнять правила. (Оле) роняется, гражданка. (Подает ей экзаменно знак глазами).

ОЛЯ (наклоняется к Максимиенко). Ничего. Через три дня мы снова увидимся.

МАКСИМЕНКО. Вы придете? Да? Придете?

ОЛЯ. Приду.

МАКСИМЕНКО. Честное слово?

ОЛЯ. Честное.

ИВАНОВ (Оле). Торнитесь, пороснитесь, гражданка. Не упоминайте больше.

ОЛЯ (Максимиенко). Прощайте. (Протягивает ему руку).

МАКСИМЕНКО (задерживает ее руку). Нет... до свидания...

ОЛЯ. До свидания...

МАКСИМЕНКО (слеза задерживает ее). Но я же не знаю даже, как зовут...

ОЛЯ (после небольшого колебания). Может Оксана... может Галя... а кто и Галя... (Убегает).

МАКСИМЕНКО. О-о!! Ни, ни... Оксана... Оксана...

ИВАНОВ (печально). Ну, как, дорогой... Не утонула она вас?

МАКСИМЕНКО. Что вы?! Несколько...

ИВАНОВ. Как будто вам стало немного получше?

МАКСИМЕНКО (весело). Да... представьте себе... Лучше. Гораздо лучше... Сам не знаю, почему...

ИВАНОВ. И прекрасно. Очень доволен за вас... Очень... (На столбе): забудьте, дружок, только принять лекарство...

МАКСИМЕНКО (с величайшим рвением берет за пуговки, стоящие столбе). Уси зараз вышью до дна...

ИВАНОВ (оставляет его, улыбаясь). Нет, нет, зачем же с таким эндем? Это уж чересчур... Да постарайтесь, голубчик, если сможете, жить... Сам еще подкрепит вас.

МАКСИМЕНКО. И спать теперь буду хоть целу неделю.

ИВАНОВ (смеется). Ах, молодежь, молодежь! Спание ны все ребята ништо с вами. Сам молодеешь... (Идет к двери).

МАКСИМЕНКО (внезапно окликает его). Профессор!

ИВАНОВ (останавливается). Что, малый?

МАКСИМЕНКО. Как вы думаете... слержит... она... слово?

ИВАНОВ. Кто она-то?

МАКСИМЕНКО. Моя... близкая родственница... Галя Горбенко?

ИВАНОВ (не может скрыть улыбки). А! (Паркитно серьезно). Придет, беспокойтесь... Она мне поздравилась. Хорошая девушка. (Идет дальше и ширит, уже совсем серьезно, с порога двери). Эх! побольше бы нам их... Побольше бы...

МАКСИМЕНКО (берет цветок, улыбается и тихо кивает).

Повей ветра на Украину,

Де покинув я дівчину...

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Комедия в 1 действии Н. Шаповаленко

Тема — донорство.

Краткое содержание

Две молодые работницы, Хохлова и Тюрина, работают на одном заводе и живут в одном общежитии. По и то время как Хохлова уже давно является одним из самых активных доноров, Тюрина, наоборот, никак не решается, несмотря на все уговоры подруги, дать хоть раз свою кровь. Она боится из-за этого потерять красоту, которую всячески сохраняет. Новой встрече с пригласившимся ей коллегой моряком, Хохлова тоже жалеет, которому переливали ее кровь. Он понравился после тяжелого ранения и по дороге обратно на фронт, хочет захватить к ней, чтобы познакомиться. К сожалению его письмо с извещением о приезде приходит в тот момент, когда Хохловой надо снова идти на донорский пункт. Вместо себя она оставляет Тюрину, наказывая ей во что бы то ни стало задержать гостя до ее возвращения. Оставшись одна, Тюрина невольно вспоминает своего знакомого. Где он? Почему давно перестал писать письма?.. Вдруг растворяется дверь и входит моряк, спрашивая Хохлову. Пораженная Тюрина узнает в нем того, кого так долго ждала. Происходит жалкая встреча. В отличие от той, которая грезилась в мечтах. За два года войны многое изменилось. Старое, мимолетное ухаживание давно забыто среди новых, тяжелых испытаний. И люди стали иными: все мысли и чувства их устремлены на другое. Между Тюриной и ее апакомым теперь нечего прощать — им даже не о чем говорить... В эту минуту возвращается Хохлова. На глазах Тюриной разыгрывается вторая встреча. Хохлова слышит любимой «сестренкой» многих бойцов, авиационных родину. Смысла им ждать, дала силы продолжать борьбу. Они благодарят ее от имени Красной Армии и флота. Тюрина начинает понимать, как она заблуждалась, не слушая призывов подруги.

Характеристика действующих лиц

ХОХЛОВА — молодая, жизнерадостная, энергичная девушка. Она одна из лучших работниц на заводе и, вместе с тем, старейший донор. Подлинный патриот, Хохлова понимает огромное значение донорства. Скрывает многочисленные благодарственные письма бойцов, которых спасла ее кровь, которые возвращаются на фронт. Она вместе с ними как участница сама непосредственно в защите родины. В случае крайней необходимости она в состоянии проявить подлинное героизм.

Приходит Хохлова в рабочем костюме, сбросив который, остается в своем скромном обычном платье.

ТЮРИНА — приятельница Хохловой, гораздо менее глубокая патриотка. Личное счастье она ставит выше общих интересов. Только сильное потрясение

заставляет ее, наконец, понять неправильность ее взглядов. У нее, однако, находится достаточно сил, чтобы постепенно победить себя.

С первого взгляда на Тюрину видно, что она заботится о своей парижности. У нее слегка подведены губы; на голове модная прическа; хорошо шитое новое платье.

ВОРОБЬЕВ — моряк, простой, славный парень. Лицо открытое, молодое. Приятная улыбка. Смелые, несколько насмешливые глаза. Говорит громко, отчетливо. В его разговоре с Хохловой чувствуется большая братская любовь и уважение.

Одет в обычную военно-морскую форму.

Оформление

Действие происходит в небольшой одиночной комнате рабочего общежития. Обстановка скромная: кровать за ширмой, столик у окна, два стула, шкаф для платья, полочка с книгами. Единственная дверь выходит в общий коридор, из которого времяами доносится шум голосов.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Сцена в 1 действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Хохлова Любовь Васильевна } работницы
Тюрина Клавдия Петровна }
Воробьев Иван Федорович — моряк

Одиночная комната в рабочем общежитии.

Погожий летний день. Яркое солнце. Из коридора доносится шум голосов.

(Пауза)

ГОЛОС (за дверью). Хохлова! Подожди!

ХОХЛОВА (тоже за дверью). Некогда, всегда. Пустите. (Шум у двери).

ХОХЛОВА (выходит одетая в рабочее платье). Как бы не опоздать. Какой-то час? (Смотрит на будильник). Батюшки! Уже половина третьего. Мне надо еще переодеться... (Скрывается за ширмой).

(Стук в дверь)

ХОХЛОВА. Ох! В совершенно несчастия кого-то принесла пеленка... (громко). Кто там?

ТЮРИНА (приоткрывает дверь). Это я, Люба...

ХОХЛОВА. А, Клавдия. Что скажешь?

ТЮРИНА (закрывает дверь, одета в нарядное платье). Где ты провалялась так долго? Второй раз захожу.

ХОХЛОВА. На заводе. Заканчивали срочный заказ.

ТЮРИНА. Охота переутомляться. Я отказалась.

ХОХЛОВА. Это для фронта. Очень важно.

ТЮРИНА. Своё здоровье тоже надо беречь. Идем в Парк культуры. Удачный день. Солнце. Подышим воздухом.

ХОХЛОВА. К сожалению, не могу. В три часа записана на станции переливания крови...

ТЮРИНА. Неужели ты все еще бегаешь туда? Дополнительный паек никак потерять? Или денег загребаешь мало?.. Ну, и жадная же! Одна, никого нет. Стыдись.

ХОХЛОВА (выходит из-за ширмы в простом, чистом платье). От денег сразу отказалась... А паек беру, чтоб восстановить силы... Тебе стыдиться не надо, не мне. До сих пор не понимаешь, какое большое дело делается. Почитай хоть письма, которые я получаю с фронта. Тогда сразу глаза открываются.

ТЮРИНА. На себя лучше посмотри в зеркало. До чего дошла со своим донорством. Краше в гроб кладут.

ХОХЛОВА. Пустяки. Не от того. На пункте нас всех всякий раз осматривают врачи. Если что заметят, — сразу отсылают домой... (Меняет тон). Давай-ка вместо парка найдем вместе давать кровь. Чистое место. Клавдия, мила. Сколько времени тебя уговариваю...

ТЮРИНА. Все равно не уговорить, как ни стараюсь... (Смотрит в зеркало). Я хочу сберечь себя, свою красоту...

ХОХЛОВА (улыбается). Для кого?

ТЮРИНА. Есть для кого.

ХОХЛОВА. Да ты не крути. Говори прямо.

ТЮРИНА. Один морак. Сейчас на фронте. Как вернется, сразу свадьба. Только никому ни слова. Знаешь наших девчонок, еще отобьют, подлюки!

ХОХЛОВА. Эх, Клавдия! Может быть твоему моряку сейчас не красота твоя нужна, а кровь...

ГОЛОС (за дверью). Хохлова!

ХОХЛОВА (прошепчет). Я?

ГОЛОС. Возьми письмо. Спешной почтой. Утром еще принесли.

ХОХЛОВА. Спасибо. (Приоткрывает дверь и берет письмо). Из военного госпиталя. Кто это может быть?... (Вскрывает конверт и читает). Тот моряк... Славный парень... Ему вливали мою кровь... С тех пор мы подружись... Поправился и едет в Москву. Собирается зайти, чтобы познакомиться лично... (Внезапно). Какое сегодня число?

ТЮРИНА. Шестое.

ХОХЛОВА. А час?

ТЮРИНА. Без четверти три.

ХОХЛОВА. Вот так история! Через четверть часа он будет здесь... Чем мне делать со станцией?

ТЮРИНА. Какие там станции! Переодевайся в новое платье и приходи выйди по-модному... Ну? Что ж ты?

ХОХЛОВА. Нет, не могу... Все-таки схожу...

ТЮРИНА. Ой, смотри! Рискуешь многим. Теперь свободных мужчин становится все меньше...

ХОХЛОВА (не слушая ее). Знаешь что? Посиди у меня и удержи ее. Я живо вернусь. Тут близко. (Быстро уходит).

ТЮРИНА (вслед ей). погоди! Постой... И след простыл... Дурачка! Урока не получила... (Замечает оставленное Хохловой на столе письмо. Любопытно, что он ей пишет... (Берет письмо, читает). «Дорогая подруга сестренка!.. Ишь, как заливается соловьем... (Продолжает). «С помощью твоей крови я благополучно выбрался из аварии и сейчас, благодаря попутному ветру, плыву к тебе в Москву... Что-то знакомые выражения... и почерк знакомый... (Переворачивает письмо и читает дальше). «Любимая, тебя всей душой... Иван Воробьев». (Поражена). Что-о? Мой Иван?... А подлец! Ах, изменник!.. Мисси строчки третий месяц, а ей... Но и о хороша, змея. Вот для чего в дежурку-то записалась!.. Хорошо же, милый. Я устрою вам встречу. Долго не забудете... (Голос за дверью)

ГОЛОС (за дверью).

ВОРОБЬЕВ. Товарищ! Тут живет Хохлова?

ГОЛОС. Тут. Восемьдесят третий номер.

ВОРОБЬЕВ. Есть, восемьдесят третий!

ТЮРИНА (шопотом и волнением). Явился... (Бросает письмо обратно на стол и поспешно оправляется).

(Сильный стук в дверь)

ТЮРИНА (изменившимся голосом). Войдите.

ВОРОБЬЕВ (входит, радостно, с подъемом). Сестренка! Здорово! Дай скорей взглянуть на тебя... (Остонаавливается при виде Тюриной). Кто это?... (Завидит Петровну).

ТЮРИНА. Да, я. Не ошиблись.

ВОРОБЬЕВ. Вот неожиданная встреча...

ТЮРИНА. Для меня тоже.

ВОРОБЬЕВ. Разве вы знакомы с сестрой... то-есть с Любовью Александровной?..

ТЮРИНА. Представьте. Даже вместе работаем. И живем уже целый месяц в одном общежитии.

ВОРОБЬЕВ (оглядываясь). А где же она?... Как будто ее нет дома?..

ТЮРИНА. Любочка ушла по срочному делу и просила меня встретиться... Садитесь, пожалуйста.

ВОРОБЬЕВ (с нерешительности). Собственно мне, пожалуй, пора того... уходить...

ТЮРИНА. Что вы! Только что пришли и сразу уходить?... Садитесь, садитесь.

ВОРОБЬЕВ (садится у двери, про себя). Повезло, навязывается: сразу сел и ушел...

(Пауза)

ТЮРИНА. Должна вам сказать, что вы сильно изменились... Постарелись... одурели...

ВОРОБЬЕВ. Не мудрено: война — не шутка. Зато выцветете по-прежнему...

ТЮРИНА. Да. Все находят... Некоторые говорят, будто я выгляжу даже лучше, чем до войны...

(Пауза)

ВОРОБЬЕВ (испуг). Извинюсь... Мне все-таки... надо двигаться.

ТЮРИНА (энергично). Нет, нет. И не думайте. Ни за что не отпущу. Приказано обязательно задержать нас до возвращения хозяйки.

ВОРОБЬЕВ (снова садится, про себя). Вот влип: прямо на первый номер...

(Пауза)

ТЮРИНА (аполголоса, как бы сама с собой). Никогда, однако, не думала, что мужчины могут быть такими неверными...

ВОРОБЬЕВ. Это вы про кого же?

ТЮРИНА. Так. Вспомнилось... Один молодой человек ухаживал за девушкой...

ВОРОБЬЕВ. Ну, какое там «ухаживал»? Поболтали, посмеялись, сходили на театр, в кино...

ТЮРИНА. Но девушка после стала надеяться, рассчитывать...

ВОРОБЬЕВ. Напрасно. Пусть она скорей выбирает концы...

ТЮРИНА. Я знаю, теперь он улетит к другой. Посмотрим только, долго ли продолжится его новое увлечение. Как бы ему снова не вернуться к прежней. Бывают великие случаи в жизни...

(ХОХЛОВА входит, запыхавшись, останавливается в дверях).

ТЮРИНА (меняет тон). Вот, наконец, и Любочка, слава богу...

(ВОРОБЬЕВ вскакивает и оборачивается к Хохловой).

ТЮРИНА (Хохловой). Едва задержала. Два раза пытался бежать.

ХОХЛОВА (Воробьеву). Простите... Не могла раньше... Как ни старалась...

ВОРОБЬЕВ. Пустое... Я по другой причине...

ТЮРИНА (Воробьеву). Ну, как? Правится вам Любочка в натуре?

ХОХЛОВА (в смущении). У меня наверно плохой вид. Сегодня somehow выдался трудный день...

ВОРОБЬЕВ. Вы — аккурат такая, какой мы вас представляли. Прямо в точку.

ТЮРИНА. Ах какие мужчины лицемеры! (Хохловой). Не верь ему, мочка. Ты действительно выглядишь отчаянно плохо... Лицо белое, губы синие, под глазами круги. Прямо больно смотреть...

ВОРОБЬЕВ. Брось. Человек как человек. А ежели глаза не подведен да губы не покрашены, да щеки без шпатульки, то нам этих крепленцев не требуется...

ХОХЛОВА (Воробьеву, улыбаясь). Нет... Она в самом деле наверно права... Со мной произошло... непредвиденное обстоятельство... Я была на донорском пункте... Только что отдала кровь, бегу в раздевалку, чтоб скорее вернуться домой... Смотрю: навстречу идет знакомая докторша. Увидела меня и обрадовалась: «Хохлова! Как раз кетаты. Привезли также раненого полковника. Герой Советского Союза. Необходимо сделать прямое переливание. Под руками нет никого. Не согласитесь ли, голубячек?» Я поколебалась, было, минуту... и согласилась.

ВОРОБЬЕВ. Согласилась!.. Но что же докторша? Разве она не знала, что вы уже дали кровь?

ХОХЛОВА. Я скрыла от нее...

ВОРОБЬЕВ. Зачем?

ХОХЛОВА. Иначе она не ваяла бы ее у меня... И полковник бы умер.

ВОРОБЬЕВ (в волнении). О таком самоотверженном поступке мы еще не слыживали... (Торжественно). Благодарю вас, Любовь Васильевна, имени Красной Армии и флота... Заверю вас, что если нам придется пролить вашу кровь, которая течет теперь в наших жилах, то за каждую каплю враги прольют целые реки своей крови...

ТЮРИНА (про себя). Неужели я ошиблась в ней?

ВОРОБЬЕВ (Хохловой, меняя тон). Да что это вы стоите все время. Вот вам стул. Присядьте, пожалуйста. Сейчас мы подложим вам под спину что-нибудь мягкое...

ХОХЛОВА (садится). Не хлопчите. Не надо...

ВОРОБЬЕВ. Что вы? Не надо! Этакую историю выдержать и что не отдохнуть!... (Сглядывается). Только ничего подходящего нет (Вылезает). Нашел. Мой бушлат. Он для всего подходит. Однажды на Кавчатке я им даже крабов ловил... (Стаскивает с себя теплую матрешку куртку и старательно подкладывает ее под спину Хохловой).

ТЮРИНА (про себя). Как он внимателен!.. Как ласков...

ВОРОБЬЕВ (садится около Хохловой и ведет следующую сцену совершенно не обращая внимания на стоящую в стороне Тюрину). Сестренка! Родня!.. Вот и встретились...

ХОХЛОВА. Да...

ВОРОБЬЕВ. Хорошо, что ты тогда приложила к крови записочку...

ХОХЛОВА. Это было в первый раз, как я стала доноркой. Мне очень захотелось тогда поделиться с кем-нибудь своими думами...

ВОРОБЬЕВ. Замечательно ты ее написала. Она помогла мне не метаться твоей кровью...

ХОХЛОВА. Только что перед тем меня известили, что мой единственный брат... погиб из-за того, что не оказалось поблизости крови, которую нужно было бы ему перелить...

ВОРОБЬЕВ. Зато теперь у тебя есть не один, а много братьев.

ХОХЛОВА. О! Больше я не одинока. Если бы вы знали, как полную меня письма, которые я получаю от каждого из нас... неизвестных, но так близких... Нет. Этого вы не поймете. В каждом из нас я ощущаю частицу себя, своей жизни. Вот, например, когда я читала про вас, Иван... Простите, что так назвала...

ВОРОБЬЕВ. Всегда так называй...

ХОХЛОВА. Что у вас хватило сил, решимости, воли вливать переплывающую реку в ледяной воде и спасти раненого командира, — я почувствовала, что и я как будто частичкой себя участвовала в вашем подвиге. Или па-дла

получила письмо от одного летчика. Ему тоже вливали мою кровь. Изначально другого подбитого товарища, он сбил в воздухе две вражеские машины, потом спустился на вражеской территории, забрал к себе в машину раненого и благополучно вернулся на аэродром. Так знаете, когда я читала, так волновалась, точно все делала вместе с ним. О, как близки вы все!

ВОРОБЬЕВ. Полно, сестренка... чего же ты плачешь?

ХОХЛОВА. Подождите минутку... Эти слезы не горя, а радости...

ТЮРИНА (про себя). Зачем я не послушала бы ее? Зачем? Зачем? (шумно удаляется).

(Пауза)

(Вдруг раздается резкая трескотня будильника)

ВОРОБЬЕВ (вздрагивает). Это еще что за пулемет?

ХОХЛОВА (улыбаясь). Будильник. Позабыла, вторых, утром закрыть. Всегда будит меня в три на завод ровно в половине четвертого.

ВОРОБЬЕВ (останавливается). Как? Равно сейчас уже столько?

ХОХЛОВА. Наверно. Он никогда не подводит.

ВОРОБЬЕВ (растерянно). Значит шабаш. Всей нашей встрече конец?

ХОХЛОВА (пастораживаясь). Я вас что-то не понимаю. Почему конец?

ВОРОБЬЕВ. Потому что мне уже пора держать курс обратно на вокзал.

ХОХЛОВА. На вокзал?.. Зачем?..

ВОРОБЬЕВ. Ровно в четыре... отходит наш поезд...

ХОХЛОВА. Куда?

ВОРОБЬЕВ. На фронт...

ХОХЛОВА. Вот что... А я думала... Вы сюда... На побывку...

ВОРОБЬЕВ. Какие сейчас побывки?

(Пауза)

ХОХЛОВА. Неужели... Надо... Прощаться. Так скоро... Едва встретил...

ВОРОБЬЕВ. Ничего не попишешь... Сестренка...

ХОХЛОВА. Хотя бы еще... Немножко...

ВОРОБЬЕВ. Да, хорошо бы... (Бросает взгляд на нее и тотчас одергивает себя). Нет. Прощай.

ХОХЛОВА. Пойдите. У нас будет время. Я иду вас провожать. (Встает).

ВОРОБЬЕВ (не в силах скрыть своей радости). Идешь! Верно?.. (Слова на тон). Нет, Нет! Это нельзя. Тебе надо отдыхать... (Сует ей в руку рюкзак). Вот, возьми.

ХОХЛОВА. Что это?

ВОРОБЬЕВ. На память. (Быстро уходит).

ХОХЛОВА (развертывает сверток и находит в нем ленту от бескозырки. Читает надпись). Военно-морской флот...

ГАРМОНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Комедия в 1 действии В. Любимовой

Тема — физическая закалка молодежи (в здоровом теле здоровый дух).

Краткое содержание

Один из уральских городов. Лето во время войны. Учатся в младших старших классах. Данила Чурчилов мечтает о гармонической личности, который сочетал бы здоровье с умственным развитием. Осуществить такую гармонию беретесь Марийка, «демаром» прозванная «проказницей». Она знакомит двух братьев-близнецов Лаптевых, математика Шуру и физкультурника Юру, с двумя сестрами-близницами, математикой Тасей и физкультурницей Асей. Каждый из них односторонне увлечен своим любимым делом. После ряда комических приключений Шура и Тася начинают заниматься физкультурой, а Юра и Ася математикой. Таким образом предприятие Марийки блистательно удается к бурному восторгу Данилы.

Характеристика действующих лиц

ДАНИЛА ЧУРЧИЛОВ — веселый, добродушный молодой человек. Неудачливый поэт и своеобразный философ. Он с азартом приговаривает себе идеал гармонической личности: «Безли и крепким ты здоровьем плюс культуру и умство, то, по мнению Данилы, — это значит, что достоин ты зданию. Чурчилов высклок ростом и худ. Фигура комическая, но вместе с тем чрезвычайно привлекательная. «Не выдала, — говорит Марийка, — никто смешнее и лучше тебя».

ШУРА И ЮРА ЛАПТЕВЫ — братья-близнецы, очень похожие внешне друг на друга, но внутренне совершенно противоположные. Шура — математик: медлительный, серьезный, углубленный в себя человек, интересующийся только своей наукой. Юра — физкультурник: подвижной, деятельный, общительный, не выносящий усидчивой работы. Оба им по 18 лет. Оба ученики десятого класса.

ТАСЯ И АСЯ РУМЯНЦЕВЫ — сестры-близнецы, тоже по внешности очень похожи друг на друга, но внутренне содержимое противоположные. Тася, как Шура, — математик, а Ася, как Юра, — физкультурница. Обоим по 17 лет. Обе ученицы десятого класса местной школы.

МАРИЙКА — подруга сестер Румянцевых и их одноклассница. Уральская казачка. Веселая, жизнерадостная девушка — «проказница». Она энергична, смела и руководит шутливой шесткой.

Костюмы всех действующих лиц летние: девушки в светлых платьях, молодые люди в рубашках алаш и в белых бочках.

Оформление

Действие разыгрывается в одном из уральских городов среди парка близ спортивного стадиона. На первом плане большое развесистое дерево (дуб или клен), под ним скамья. Декорация остается одна и та же

во всех картинах. Меняется лишь листва: сначала можно-зеленая — весенняя, потом густая — летняя и, наконец, желтая — осенняя.

Желательно всю постановку начать построить на музыке.

ГАРМОНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Комедия в 1 действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Шура Лаптев и Юра Лаптев — братья-близнецы. Ученики десятого класса эвакуированной школы. Около 18 лет. Играет один актер.

Тася Румянцева и Ася Румянцева — сестры-близнецы. Ученицы девятого класса местной школы. Около 17 лет. Играет одна актриса.

Марийка — подруга сестер Румянцевых, их одноклассница. Уральская казачка.

Данила Чурчилов — друг братьев Лаптевых. Их одноклассник. Очень высклок и худой (высокий, наоборот, маленький и толстый).

Действие происходит в одном из уральских городов, летом, во время войны.

(Перед занавесом Марийка. Ее куплеты начинают действие).

МАРИЙКА. Как началось? Снялся май,
И пожить вместе с ним смелась,
И те встречались персональ,
Кому встречаться полагалось.
Мы любим парсить все, расчисть,
И у весны свои законы,
И свой расчет кошельку есть
Для шутников и для злобных.
Итак был май. Он отидей пел,
Купел женщиной буйной пылой,
Им были насты на предел
Два брата, две сестры, два друга.
В веселой кутерьме сейчас
Юри пройду без промедленья,
Тут будут вздох, песни, шест
И манелька провоченья.

(Парк. Конец аллеи. Скамейка. Воле нее с раскрывающимися почками то, или или липа. Неподдалоку стадион, на котором происходят спортивные соревнования.)

Со стадиона звучит музыка физкультурного марша. На сцену выходит Шура и Данила. Данила позволюбно уговаривает Шуру).

ДАНИЛА. Ты рассуждаешь неправильно, Шура. Зачем ты ушел с физкультурного праздника?

ШУРА. Не вижу смысла торчать на стадионе и смотреть, как люди выигают, проигают, стоят на голюбе.

ДАНИЛА. Присядь и бегай сам.
ШУРА (преорительно). Шутники!

ДАНИЛА. Образование не позволяет? Я всегда говорил...

ШУРА (перебивает). Знаю, знаю! Нужно сочетать здоровье, физкультуру с умственным развитием и тогда...

ДАНИЛА (радостно). Вот именно! И тогда ты будешь гармонической личностью.

ШУРА (насмешливо). Гармонической личности! Идеал Данилы Чурчилова!

Сборник сцен-просвет. пьес

ДАНИЛА (обстоятельно). Да, да! Не смейся. Предстань себе молодого человека, который обладает (отсчитывает по пальцам): во-первых, большой физической силой, выносливостью, во-вторых, первоклассно бегает на лыжах, гребет, в-третьих — далеко и сильно бросает гранаты в-четвертых — блестяще занимается математикой и химией, в-пятых...

ШУРА (с ужасом). В-пятых умеет писать стихи, как Давила Чурилов и в-шестых, поэт, притом басом и так же фальшиво, как Давила. Ты мечтаешь о невозможном, старик! Твоей идеал плод досужей фантазии...

ДАНИЛА (обстоятельно). Я всегда говорю: если взять одного брата брата Шуру Лантова (тычет в грудь Шуру), с его блестящими математическими способностями, с его усидчивостью и методичностью в учебной работе и слить в одно с другим близнецом, Юрой Лантовым (указывает на стадион), с его первоклассными спортивными данными, которые он совершенствует с немалой методичностью и терпением, чем его брат (тычет в грудь Шуру) Шура Лантов, то получилась бы та самая гармоничная личность, о которой я...

ШУРА. Ну, кончай, старик. Ты так загнул фразу, что конца ей не видно, а мне абсолютно некогда. У меня к тебе просьба.

ДАНИЛА (торжественно). Все, что хочешь, Шура. Ты и твой брат — первые и единственные друзья.

ШУРА. Но это секрет.

ДАНИЛА (торжественно). Честное слово друга и комсомольца!

ШУРА. Ты знаешь, как я не хотел эвакуироваться из Москвы сюда на Урал.

ДАНИЛА. И спасибо, город первый сорт. Великолепный стадион, первый (отсчитывает по пальцам), школа, которой может позавидовать любая московская, во-вторых...

ШУРА (отшвыривает Дашу). Хорошо! Все чудно! Мне этого мало. Вот смотри! (Дает Даниле газету).

ДАНИЛА (смотрит газету, читает подпись к портрету). Тася Румянцева, участница математического конкурса московского университета, которая, школьница 8 класса 12-й школы города... Послушай, так Румянцева живет здесь?

ШУРА. Здесь. В этом самом городе. Учится в школе через два километра. В прошлом году, когда Тася участвовала в конкурсе, она была восьмым классом, теперь в девятом, ей семнадцать лет.

ДАНИЛА. Она очень красивая.

ШУРА. Это меня не интересует! Я предпочел бы, чтобы она была молодым человеком, но... приходится мириться. Я хочу с ней познакомиться, я человек... Словом, будь другом, Данила. Познакомься с ней, представишь меня. Ты это умеешь. Девушки тебя уважают.

ДАНИЛА (стараясь скрыть удовольствие). Да, я... ну, конечно (торжественно). Честное слово друга и комсомольца, Шура, сегодня же ты увидишь знаком с Тасей Румянцевой.

ШУРА. Я тебя только умоляю, не напутай на этот раз. Не ставь меня в дурацкое положение, старик.

ДАНИЛА. Ты же меня знаешь! (Отсчитывая по пальцам). Ясно, точность, быстрота! Я должен обдумать и составить план.

ШУРА. Не будем терять времени. На обдумывание даю тебе несколько минут. Я пойду на боковую аллею, мне пришла в голову блестящая решение задачи, которая мучила меня несколько вечеров подряд. (Уходит).

(Со стадиона музыка)

ДАНИЛА (некоторое время думает). Давила Чурилов! Будет на чаше. Девушки меня уважают, это верно, конечно. (Смотрит в карманное зеркальце). Я, конечно, недурен, это всякий скажет... Оригинальное лицо, художественная натура — сразу видно... и притом же я очень тихо умею

подходить к людям, особенно к девушкам... Вот пойду прямо к этой Тасе Румянцевой и решительно ей скажу... Что же все-таки я ей скажу? Разве можно посоветоваться с Шурой? Обручает, пожалуй... А может и нет? Для чего же я стараюсь? (Уходит).

(Музыка. Со стадиона на сцену выходит Тася и Марийка)

МАРИЙКА. Нет, ты не уйдешь с привидка!

ТАСЯ (холодно). Я уже ушла. С меня довольно!

МАРИЙКА. Ты мерзвая математическая формула, Тася!

ТАСЯ. Таких не бывает. Ты малограмотна, Марийка. Всякая математическая формула — целая жизнь! (Мечтательно). Высокая напряженная жизнь Познания! (Идет).

МАРИЙКА (загораживает дорогу). Я все равно не пушу тебя, Тася Румянцева! Бери пример со своей сестры Аси.

ТАСЯ. Я очень люблю Асю. Но мы абсолютно разные. Тридцать стрелочек на всякую мелочь может только моя сестрица. Она не слушает меня, но экзамены не за горло, и если ты, действительно, настоящий мой и мой друг, Марийка, порекомендуй ей побольше позаняться. Она провалится на письменной работе. А теперь пошла!

МАРИЙКА (просительно). Останься, Тася! Будет дручнее призов. Вот военная игра пистолетов. Останься!

ТАСЯ. Не проси! Я ненавижу, кажется, такое красивое, изящное решение очень трудной задачи, которая мучила меня три дня. Как жаль, что из-за этого вы это не интересуете! Как я хотела бы, наконец, испытать родную сестру, которая целиком поняла бы меня! (Медленно уходит).

МАРИЙКА. Как важно она ушла! И всегда вот так — медленно, обидливо, безобразно... Ух, ты! Напутала бы я все планы этой Тасе Румянцевой, да попробуй напутай такой первой учительне. Вообще позанимайся, Марийка, дружить с этими двумя острами-близнецами. «Стихи и проза, да и камешки». Вот именно.

(Бегает Ася в спортивном костюме)

АСЯ (с разбега бросается на сцену). Ух, устала! Таську видела?

МАРИЙКА. Твоя младшая сестрица смылась удалять мир изящным решением какой-то невероятной задачи.

АСЯ. Безумная! А на премирование придет?

МАРИЙКА. Не удостоит!

АСЯ. Образование не позволяет? Но по-моему это абсолютное овинство, чтобы единственная, единокровная, единопупробная сестра не дождалась торжественно вручают приз ее сестре, рожденной на десять минут раньше ее.

МАРИЙКА. Согласна! Но я не вижу, чтобы ты была очень огорчена. Просто расширяет тебя. Ты слышишь! Тебя радуют приз и твои успехи чемпионки бега и гранатометница?

АСЯ. Не только... Я получила звание младшей сестры сегодня.

МАРИЙКА. Не валяйся, пожалуйте. Я тоже получу через две недели у тебя есть еще какая-то причина для радости.

АСЯ (дулко). Секрет!

МАРИЙКА. Говори!

АСЯ. Если ты сохранишь тайну...

МАРИЙКА. Могила!

АСЯ. И сможешь жить...

МАРИЙКА. Кто когда-нибудь устраивал дела своих друзей лучше, чем Марийка?

АСЯ. Никто! Никогда! (Показывает фотографию). Видишь плечу?

МАРИЙКА. Симпатичный! Ничего не скажешь. Откуда вырезала?

АСЯ. Из «Красного Спорт». Весной прошлого года. Московский чемпионат хоккея, член школьной команды-победительницы по хоккею и футболу. Первый гранатометчик.

МАРИЙКА. Подходяще! Ну и что же?
АСЯ. А кто сегодня первый прибежал к финишу?
МАРИЙКА. Какой-то эвакуированный из десятого класса восьмой школы.

АСЯ. Юра Лантеа! Вот этот самый.
МАРИЙКА. Сейчас провалиться! Ой! Ну?
АСЯ. Ну и ну! (Важно). Мне совершенно необходимо с ним познакомиться. Есть масса общих вопросов.

МАРИЙКА (хитро-престодушно). Понимаю...
АСЯ. Необходимо выложить физкультурную работу в городе.

МАРИЙКА. Понимаю.
АСЯ. Военные занятия в старших классах...

МАРИЙКА. Послушаю! Вообще надо многое наладить. Ася, я тебя люблю.

АСЯ (смеется). Ай, кто-то идет. Бегу одеваться... (Убегает).

МАРИЙКА (навстречу Даниле). Боже мой, какое чудело!

(Скромно села на скамью, нервно поглядывая на Данилу).
(Входит Данила, несколько раз обходит скамью, на которой сидит Маришка, кашляет, говорить не решается. Остановился возле Маришки. Она делает вид, что не замечает Данилу. Он громко кашляет).

МАРИЙКА (светским тоном). Авторский впуск направо за углом. Рекомендую коденн!

ДАНИЛА (насмешливо кланяется). Благодарю вас. Я совершенно здоров. Здоровье моей идеал!

МАРИЙКА. Вы очевидно поперхнулись. Тогда можно поступать спяще. Не откажите и любезности сообщить, каковы ваши идеалы еще?

ДАНИЛА (уселся на скамью рядом). Гармоническая личность! (Довольно и восторженно). Я помещаю на этой идее.

МАРИЙКА. Это заметно.
ДАНИЛА. Что заметно?

МАРИЙКА. Вот это самое... Что вы помещаете...
ДАНИЛА (радиостро). Вы заметили?

МАРИЙКА. Да! Это брызгает в глаза.
ДАНИЛА. Простите, встретить девушку, которая сразу понимает вас.

МАРИЙКА. Пожалуйста! Пожалуйста! А с чем кушают вашу гармоническую личность?

ДАНИЛА. Я вам сейчас объясню. Это совсем просто... Да... Гм... любите пенни?

МАРИЙКА. Обожаю!
ДАНИЛА. Тогда я спою. Моя идея, будучи выражена в поэтической форме, сразу становится ясной.

МАРИЙКА. Если вы не бредите, это очень интересно.

ДАНИЛА. Слова и музыка моего сочинения. Вот последнюю строчку до сих пор не придумал.

МАРИЙКА. Я заранее потрясена. А последнюю строчку я моментально придумала. У меня богатое воображение.

ДАНИЛА (поет, отсчитывая по пальцам).

Если ты вынослив, ловок,
Энергичен и силен,
Если с крепким ты здоровьем,
Плюс культурен и умен...
Если всякую задачу
В школе, в цехе, на войне
Ты решишь — это значит,
Что достоин ты вдвойне!

Гармоническая личность!
Мой товарищ доброй!
Гармоническая личность...

(ДАНИЛА остановился, стараясь придумать конец. Маришка быстро подхватывает).

МАРИЙКА (поет). Провода вези домой!
ДАНИЛА. Здорово! Но разве это подходит?

МАРИЙКА (решительно). Включи! Если вам не подходит, можете немедленно отправиться во дворец. Меня проводит не такая гармоническая личность, как вы.

ДАНИЛА. Что вы! Мне очень подходит! А мое пенни...

МАРИЙКА. Знаете, у Крылова — «Они дерут, зато уж в рот хмельного не берут». Нет, нет, это я не про вас. Я всегда всегда вспоминаю всякую члассику. Вы чудно спели. Но вам нужно найти темп. Темп! Это великое дело. А ваша идея...

ДАНИЛА. Я сейчас объясню вам на конкретном примере. У меня есть друг. Они братья-близнецы.

МАРИЙКА (страшно заинтересовалась). Так, так! Дальше!

ДАНИЛА. Это Шура и Юра Лантевы.
МАРИЙКА. Эвакуированные?

ДАНИЛА. Да. Москвичи. Они абсолютно одинаковы внешне и совершенно разные внутренне.

МАРИЙКА (сгорая от любопытства). Понимаю! Ну?

ДАНИЛА. Один — это Шура — замечательный математик и физик, его знают и уважают, он не раз с блеском участвовал в труднейших конкурсах, я горжусь им. Но Шура ничто отрицает физкультуру и спорт, он совершенно не интересуется своим здоровьем. Он быстро утомляется, может поднять тяжести, у него частые головные боли. Другой, Юра!

МАРИЙКА (перебывает). Другой — наоборот! Замечательный физкультурник, здоровый, сильный парень, плечо занимающийся пауками.

ДАНИЛА (удивленно). Совершенно верно! Откуда вы знаете?

МАРИЙКА. Вы же сами только что сказали, что я понимаю с полуслова.

ДАНИЛА (с энтузиазмом). Вы редкая девушка.
МАРИЙКА. Я даже единственная... в своем роде.

ДАНИЛА. Скажите, пожалуйста, вы знакомы с Тасей Румянцевой?

МАРИЙКА. Знакома!
ДАНИЛА. Замечательно! У меня к вам большая, большая просьба.

МАРИЙКА. Для вас, пожалуйста! Любую просьбу!

ДАНИЛА. Шура Лантев хочет познакомиться с Тасей Румянцевой. Он имеет редкую математическую душу.

МАРИЙКА. Тася очень гордая и очень занятая девушка. Она не любит знакомиться с первым встречным.

ДАНИЛА. Шура — первый встречный?

МАРИЙКА. Я должна обдумать это дело. Мы встретимся на стадионе в рамках задачи призов и выступлений школьников-физкультурников.

ДАНИЛА. Но... ваше имя? Вы же сказали, как вас зовут... Что касается меня, то я — Данила Чурилов.

МАРИЙКА (звенко засмеялась). Как? Как? Данила Чурилов? Вы шутишь! (Увидев испуганное и даже обиженное лицо Данилы, перестала смеяться.) Вам очень подходит ваше имя. Данила Чурилов! Лучшее название призов.

ДАНИЛА. Вам не нравится мое имя?

МАРИЙКА. Наоборот. Очень нравится. К сожалению, мое имя очень забываемое. Я — Маришка. Я, видите ли, уральская казачка. У нас очень простые песни.

ДАНИЛА (восторженно). Маришка.. М-м.. Замечательное имя!

МАРИЙКА. Итак, в шесть часов на стадионе. Довидавай! Я должна сосредоточиться.

ДАНИЛА (восторженно мячит что-то нечленивораздельно). М-м... (Уходит все время отглядываясь на Марийку).

МАРИЙКА (вслед Даниле). Какое милое, нескладное чудело!

(Входит Шура. Сел рядом с Марийкой, спрашивает сухо, не глядя в нее).

ШУРА. Я здесь оставил своего приятеля...

МАРИЙКА. Данилу Чурилова?

ШУРА. Совершенно точно. Мы условились... (Появляется Тася, Шура и должно встает и хочет уйти).

МАРИЙКА (быстро). Данила Чурилов рассказывал мне обо всем. Я взяла это на себя. Вот, пожалуйста! Мой подруга Тася Румянцева — лучший математик нашего города.

ТАСЯ. Я не понимаю... Я, кажется, не проспала тебя...

МАРИЙКА. Ты же искала родную душу! Товарищ Лаптев — знаменитый чемпион математических конкурсов в Москве! Пожалуйста познакомьтесь (подталкивает друг к другу Шуру и Тасю). Они вежливо здороваются. Все в порядке. Но мне абсолютно некогда. Прывет! (Марийка уходит в дерево и оттуда наблюдает следующую сцену).

(Шура и Тася молча стоят некоторое время, настроенно поглядывая друг на друга, потом также молча садятся одновременно на скамью. Небольшая пауза).

ШУРА (покашляя). Вы... в девятом классе?

ТАСЯ (холодно). В девятом.

ШУРА (помолчав). А я в десятом. (Пауза). У вас много учеников в классе?

ТАСЯ (гордо). Тридцать восемь.

ШУРА (после паузы). В здешней библиотеке хорошо представлен математический раздел.

ТАСЯ (холодно). Да.

(Следующая пауза длится слишком долго. Тася встает. Шура тоже).

ТАСЯ (с усилием). Мне нужно идти в библиотеку.

ШУРА (с еще большим усилием). Я... мне на дороге... Я могу (самим безразличным тоном) проводить...

(Оба уходят совсем незаинтересованные друг другом, равнодушные, даже враждебные. Марийка выходит из-за дерева, садится на скамью).

МАРИЙКА (васмиленно). Родные души! Вот еще одна двоюродная душа! (Входит Данила).

ДАНИЛА. Вы еще не уходили, Марийка? Вы обдумали план?

МАРИЙКА. Я даже привела его в исполнение.

ДАНИЛА. Как?

МАРИЙКА. Знаменитые математики познакомилась. Он пошел ее проводить, но, по видимому прогулка не состоялась. Вот он возвращается. (Входит Юра. Остатки остаются возле афиши, издающей о футбольном матче).

ДАНИЛА. Это не он. А его брат Юра.

МАРИЙКА. Удивительное сходство!

ДАНИЛА. Зато возвращается она. (Медленно возвращается Тася).

МАРИЙКА (быстро сообразив). Знаете что? Ваш друг Шура очень любит вас видеть. Подите скорее за ним. До вечера в парке! Ну, агу, я люблю, когда меня не слушают!

ДАНИЛА. Слушаюсь! (Отдаст честь уходит).

(Тася подходит к скамье и садится рядом с Марийкой. Юра исподтишка поглядывает на нее).

МАРИЙКА (затела). Что затуманилась, зоренька ясная?

ТАСЯ (раздраженно). Он исповок, перасторожен, невежлив. Зачем ты мне познакомила?

МАРИЙКА (перехватив взгляды Юры, удивленно спрашивает). Ну? Не исповок, перасторожен? Ты ошибаешься! Товарищ Лаптев!

ЮРА (очень охотно). К вашим услугам! Разрешите присесть?

ТАСЯ (тихо Марийке). Когда он успеет вернуться?

МАРИЙКА. Садитесь. Моя подруга товарищ Румянцева в плохом настроении. Вы любите решать трудные задачи. Вот вам задача — развлекать мою подругу, пока я сбегаю пообедать. Решения же не легких — предупредительно. (Уходит и прячется за деревом).

ЮРА (просто). Я не люблю разных там тонкостей и подвохов. Я рад, что познакомился с вами.

ТАСЯ (прямо удивленно). В самом деле рады?

ЮРА. Ну, еще бы! У нас с вами масса общего. Я все время следил за вами на стадионе. Вы молодец!

ТАСЯ (прямо удовольствие). Почему вы решили?

ЮРА. Вы могли быть зайчиком, а вы простой и веселый товарищ, я сразу была заметна. Не люблю замаск. А ведь вы чемпионка не только на своем городе, но и по всему союзу. Мы с вами выполняем такую работу среди молодежи, лебу жарко будет. Мы втянем всех школьников в свои занятия.

ТАСЯ. Здесь проявляют мало интереса.

ЮРА. Чепуха! Не было подходящего человека. Я расформировал ребят, а вы... можно мне говорить вам — ты?

ТАСЯ. Так — сразу?

ЮРА. Ну, конечно. Мы же товарищи и, надеюсь, будем друзьями. Как здорово получилось, что мы познакомимся сегодня так сразу. Ты рада?

ТАСЯ (смущенно). Так сразу... (встает). Мне надо...

ЮРА. Мне тоже. По дороге мы все обсудим. Тарихть не могу тянуть. Ты тоже?

ТАСЯ (с недоумением). Мне не приходилось... (Оба уходят).

(Марийка появляется из-за дерева)

МАРИЙКА. Она спугала братьев! А он сестер! Держись Марийка! Все складывается замечательно! (Увидев входящих Данилу и Шуру, снова прячется за дерево. Входят Данила и Шура).

ДАНИЛА. Не поспымаю, что тебе надо еще? (Считает по пальцам). Во первых, ты познакомилась с известной математичкой, во вторых, ты нашла родную душу...

ШУРА (перебивает). Она скучна, молчалива. Она зайчик, гордылка и поэтому просто не умна.

(Марийка появляется из-за дерева)

МАРИЙКА. Это неправда. Когда вы успеете так унести Румянцеву?

ШУРА. Я убедился в этом в течение десятиминутной прогулки.

МАРИЙКА. Вы ничего не понимаете в людях. Моя подруга Румянцева самая веселая, энергичная, остроумная существо на свете! Должно быть, вы привели ее в дурное расположение духа!

ШУРА. Она сама...

ДАНИЛА (перебивает). Не спорь, старик. Они знают лучше тебя.

МАРИЙКА. Я готова спорить до хрипоты. Да вот, пожалуйста. Она возвращается. Если бы будете хоть чуть пожирнее, вы убедитесь собственными глазами, что я права. (Данила). Не будем им мешать.

(Вскоре входит Ася. Увидев Шуру и прячась (его) за Юру, немного присаживается. Тихо спрашивает проходящую Марийку).

АСЯ. Он?

МАРИЙКА. Он самый. (Уходит вместе с Данилой).

ШУРА (стараясь преодолеть смущение). Мы не успели с вами поговорить...

АСЯ. Да! Но мы еще успеем. Впереди много времени, а по нашему общему делу нам придется постоянно встречаться.

ШУРА. Вы думаете?

АСЯ. Не сомневайтесь! Если, конечно, вы не сдрейфите и не откажетесь от предстоящей работы.

ШУРА (гордо). Я никогда не отказываюсь от работы!

АСЯ. Ох, а я с женщиной... Но свое дело люблю до смерти. Ведь вы прежде на раздачу приходите.

ШУРА. Я не обираюсь.

АСЯ. Обязательно приходите! Раз мы так неожиданно познакомились.

ШУРА (перебывает). Вы не хотели этого?

АСЯ (после паузы). Сказать по правде... хотела! Я немножко ленилась последнее время, мало тренировалась — скучно было одной стараться. Теперь у меня будет с кем соревноваться. Я им ни в чем не уступлю, имейте в виду!

ШУРА. Ну, это мы посмотрим!

АСЯ. Посмотрим! Раз-два-три! Позвоните (Божит).

ШУРА (растерянно). Я...

(Марийка и Данила выходят из-за дерева).

МАРИЙКА. Бежите! Договариваете!

ДАНИЛА. Беги, старик! Позвонил в переделку. Беги! Ну, побежали вы же! (Данила и Шура убежали).

МАРИЙКА (одна). Они перепутали друг друга! Я помосла им в этом. Вот будет забавно!

(Включая музыку)

(Перед занавесом появляется Марийка).

МАРИЙКА. Проходит месяц... или два —
Весною время на курьерских.
Друг другу сказаны слова
Лукаво, нежно, гордо, дерзко.
Внезапно спортом увлечен,
А может, по пути был катанье,
Раз десять в день на стадион
С спортсменкой ходит математик.
И строгим взглядом попреки,
Презрен и гордость и прищипки,
Воркует словно голубки
Спортсмен москвитин с математикой.

(МАРИЙКА раздвигает занавес. Лица в цвету. На сцене сидят Тася и Юра).

ЮРА. Очень устала, Ася?

ТАСЯ. Очень! Очень! Еще дошла.

ЮРА. Странно. Я думал, ты легче меня одолеешь этот подъем в горы. Мне говорили, что ты прекрасная альпинистка. У нас ведь очень развился альпинистский кружок. Ребята готовятся к походу. Мы с тобой должны показать пример.

ТАСЯ (встревожилась). Ты очень разочарован? Юра?

ЮРА. Я просто удивлен. Ты так быстро изнала устать, отстаивать, присаживаться, требовать отдыха. Может быть ты нездорова, Ася?

ТАСЯ (поспешно). Да, да, Юра! У меня ныряет большой палец на правой ноге. Я еле хожу.

ЮРА. Что же ты мне ничего не сказала с утра? Мы бы отложили эту тренировку горного похода.

ТАСЯ. Но тебе так хотелось...

ЮРА. Просто я обещал в райком комсомола устроить альпинистский кружок комсомольцев-школьников первого августа. Я думал, что ты мне поможешь. Но если бы я знал, что тебе трудно сегодня подниматься в горы, мы бы никак не пошли бы подъем до следующего воскресенья. Мы так и сделаем.

ТАСЯ. Ася?

ТАСЯ (смущенно). Хорошо.

ЮРА (улыбнулся). Мы пойдем с тобой, с самого раннего утра. В 5 часов выйдут, в 4 мы выберем самый трудный путь. Хорошо, Ася?

ТАСЯ (с отчаянием). Хорошо... Как пахнут эти люди! Посидим немного.

ЮРА. Пахнет здорово! Давай посидим.

ТАСЯ. Вели тебе, конечно, хочется.

ЮРА (беспокойно взглянув на Тасю, тихо говорит). Мне хочется... (Оба молчат. Тася надокнула. Марийка высулилась из-за дерева и тоже надокнула. Марийка громче, Марийка еще громче).

ТАСЯ. Ты ковриешь школу. Скоро уедешь. Как бы мне тоже хотелось пора ковришь и пригнаться за дело, помочь тебе!

ЮРА. Ты помогаешь и теперь. Работать в госпитале очень любят, когда приходишь к ним читать.

ТАСЯ. Этого мало... Ты уедешь осенью отсюда. Станет очень пусто.

ЮРА. Я потом вернусь. Я привык здесь и... вообще... (Отвернулся от Таси).

ТАСЯ. Ты опаздываешь, Юра! У тебя все время авыятия. Пять часов.

ЮРА (вскочил). Уже? Бегу. А как же ты, Ася?

ТАСЯ. Я посижу здесь. Бели скорей. Я прочитаю. Ты уронишь свой чемпионский значок. Верно отвинтилась гайка. Я пошщу.

ЮРА. Пошщи, пожалуйста. Иначе я не смогу носить значок. Пусть он останется у тебя, как залог, как табулан. Я найду с тобой после занятия (Уходит, все время оглядываясь на Тасю).

(Марийка выходит из-за дерева и молча садится возле Таси. Обе молчат. Тася громко вздыхает. Марийка надыхает преувеличенно громко).

ТАСЯ. Надыхаешься?

МАРИЙКА. И не думаю. Занятую. Очень проглатываю. Тебя что-то беспокоит. Признайся. Гордость тебе не поможет.

ТАСЯ. Если хочешь, да, тревожит. Юра признает меня за Асю, а я, чтобы потерять его дружбу, поддерживаю обман. Это очень неприятное ощущение, тем более что комсомольцы-альпинисты скоро поднимаются на перевал. А я хожу, как черепаха.

МАРИЙКА. У тебя есть возможность выйти из неприятного положения.

ТАСЯ. Каким образом?

МАРИЙКА. Потренироваться как следует и пойти в горы первого августа.

ТАСЯ. Это невозможно. У меня не хватит физических сил.

МАРИЙКА. Твоя Румянцев!

ТАСЯ. Ничего из этого. У меня делается сердцебиение от малейшего движения. Тренироваться надо со знанием дела.

МАРИЙКА. Обратись за помощью к Асе.

ТАСЯ. К Аське? Она будет издеваться.

МАРИЙКА. А может быть и не будет.

ТАСЯ. При ее изощренности? Непременно будет.

МАРИЙКА. А мне кажется, что не будет. У меня есть данные для этого. А впрочем поручи это дело мне, я переговорю с Асей.

ТАСЯ. Уф. Гора с влеч! Ты настоящий друг, Марийка.

МАРИЙКА. Ну, еще бы. Кто же в этом сомневается? Самый бескомпромиссный друг на свете. А сейчас ты окажешь мне дружескую услугу, если удалишься временно. У меня свидание.

(ГАСЯ. Пожалуйста. (Уходит).
(Появляется Данила. У него замученный вид. Он бросается на скамью рядом с Марийкой).

МАРИЙКА. Очень вовремя. Привет! Мне некогда! Я ухожу.
ДАНИЛА. Уходяшь, Марийка? Это невозможно. Я целый день ходил по твоим поручениям, но стоит мне на минутку присесть возле тебя, ты тылухощаешь (считает на пальцах). Во-первых, это жестоко, во-вторых, безсердечно, в-третьих, мне без тебя скучно.

МАРИЙКА (удивленно). Неужели? А мне кажется, что ты все присидишь возле меня, а поручения мои остаются неисполненными. Почему тебе такой униженный и оскорбленный вид?

ДАНИЛА. Я только что выдержал бой с Шурой Лагтевым.
МАРИЙКА. Победителем ты не остался. За что бой?

ДАНИЛА. Он в претензии. Почему я его познакомил с девушкой, которая прославлена как талантливый математик и так мало говорит и интересуется математикой. Как будто ее подменили. Лицо как на фотографии и фамилия та же, а внутри...

МАРИЙКА. Твой Шура Лагтев ничего не понимает. Он мальчишка.
ДАНИЛА. Мальчишка?

МАРИЙКА. Новорожденный младенец. Ведь Ася же влюблена в него.
ДАНИЛА. Ася? Разве она не Тася?

МАРИЙКА. Она именно Тася, а не Ася. Не путай, пожалуйста! Вот всякий взрослый понимающий человек, но конечно не мальчишка, лично знает, что когда человек влюбится, он немедленно поглупеет.

ДАНИЛА. Это разве обязательно?
МАРИЙКА. Закон!

ДАНИЛА (вспыхивая). Так я ему и скажу. Он не знает. Я тоже знал.

МАРИЙКА (певнищо). Разве ты не чувствуешь по себе?

ДАНИЛА (подумав). Да... пожалуй... Но совсем немножко.

МАРИЙКА. Ценное признание. За это жалую тебя самой маленькой прогулкой. Проводи меня до госпиталя. Я несу расписку книги. Помоги мне.

ДАНИЛА (вытирая пот). С восторгом! (Оба уходят).

(Издали музыка... Входит Ася и Шура. Ася несет на спине Шуру, кладет его на скамью. Из фонтанчика рядом набирает горсть воды и брызгает в лицо Шуры. Шура очнулся).

ШУРА (смущенно). Я форменная свинья, Тася. Но у меня подернула нога и сделался этот дурацкий обморок. Ты носла меня.

АСЯ. Не понимаю, о чем ты говоришь! Я донесла тебя сюда во время обморока. На тебе именной костюм и нет вооружения. Случай, несчастливый случай. Это может сделать любая комсомолка. Я дала сдачи помы ГТО и ГСО. А разве ты не сдал?

ШУРА (смущенно). Не совсем...

АСЯ (смеется). Ты шутишь? Здорово болит нога?

ШУРА. Болит сильно. (Пробует встать, садится). Не могу.

АСЯ. Надо туго забинтовать шиколотку. Жаль, нет бинта. Пойду кiosk. Здесь рядом.

ШУРА. Не стоит!
АСЯ. Я магом. (Уходит).

(Входит Данила).

ШУРА. Очень кстати. Садись, старик. Я совсем ослуптелся.

ДАНИЛА. Где это ты искалечился?

ШУРА. Форменный конфуз. Подвернула нога, сделалась такая болячка, что потерял сознание. И при Тасе. А она подыала меня на плечки и тащила сюда.

ДАНИЛА. Молоден дичина. А ты еще почему-то недоволен ею.
ШУРА. Я признаюсь тебе. Ты же такой друг...

ДАНИЛА. Н-ну! Молчала!

ШУРА. Я ничего не понимаю. Меня восхищает Тасина сила, ловкость, выдержка... а общем и тому подобное...

ДАНИЛА. Понятно!

ШУРА. И вообще она, конечно, замечательная девушка. Но почему она так скучает, как только я эаговорю о математике? Я говорил с тобой об этом и снова повторяю, меня мучает эта загадка.

ДАНИЛА (важно). Я тебе сейчас объясню. Я знаю.

ШУРА. Заметь?

ДАНИЛА. Тася влюбилась в тебя.

ШУРА. Ну, положим! Это ты перехватил. Мы друзья!

ДАНИЛА. А когда человек влюбится, он глупеет. Такой закон.

ШУРА. Закон?

ДАНИЛА. Всем известный закон. Но, конечно, всем взрослым людям, а не мальчишкам.

ШУРА. Что же, и я поглупел?

ДАНИЛА. А разве ты влюблен?

ШУРА. Нет... Конечно, нет... Но вообще?

ДАНИЛА. Вообще ты заметно поглупел.

ШУРА. Что же мне делать?

ДАНИЛА. Поменьше заниматься разговорами о математике и побольше заниматься, чтобы быть сильнее. Хорошо бы ты был, если бы с Тасей случился обморок и тебе бы пришлось нести ее.

ШУРА. Д-да... Получилось бы конфузю.

ДАНИЛА. А что ты думаешь о шабара в артиллерийское училище?

ШУРА. Непременно пойду! Мы с Юркой решили...

ДАНИЛА. Юрку-то примут. А насчет тебя есть сомнение.

ШУРА. Я первый математик в классе!

ДАНИЛА. И последний физкультурник.

ШУРА. А разве?..

ДАНИЛА. Вот именно разве. Я удалюсь, не хочу быть лишним. Не забудь о законе, который я тебе сейчас объяснил.

(Уходит Тася. Увидев Шуру, она принимает его за Юру и смущается).

ШУРА. Не пришла? (Думает о бинте).

ТАСЯ (думает о газеке от запячка). Я смотрела везде, нет нигде.

ШУРА. Это неважно, не беспокойся и извини меня, пожалуйста, что я тебе объяснил тебя в легкомыслии.

ТАСЯ. Ты меня? Скорее в слабости.

ШУРА. Если причина, действительно, та, что мне сказали...

ТАСЯ. С сегодняшнего дня я совершенно меняю свое поведение! Этой причине больше не будет.

ШУРА (вспуганно). Не будет? Очень жаль!

ТАСЯ. Я буду сильной, смелой, выносливой. Ты перестанешь упрекать меня в слабости. В наше время нельзя быть слабой. Это позор!

ШУРА. Я никогда не упрекал тебя в слабости, а после сегодняшнего моего поступка...

ТАСЯ. Не упоминай мне о нем. Он больше не повторится. Мне стыдно за него.

ШУРА (обижено). Ах, вот как? Стыдно? Я так и знал! Ты всегда считала со мной. Ты очень долготелна, ты не хочешь стыдить меня, но мне самому стыдно.

ТАСЯ (передавая Шуру значок Юры). Я не хочу терять времени. Возвращаю твой талисман и пока не добьюсь такого, не хочу встречаться с тобой. (Уходит).

ШУРА (с недоумением рассматривает значок). Ничего не понимаю... Какой тагисман? Если я не ошибусь, это Юрскиа чемпионский значок. Как он попал к Тасе? Не подкладывает ли мне свинью мой братец? (Входит Данила). Ага, старик, очень кстати!

ДАНИЛА. Да, да. Очень. Я пришел сообщить тебе на очень приятное известие.

ШУРА. Неприятное? О чем?

ДАНИЛА. Я забежал в школу. В понедельник начнет работать комиссия по отбору ребят в Артиллерийское училище. Сергей Иванович включает тебя из списков, как несдавшего нормы ГТО.

ШУРА. Меня? Я лучший математик!

ДАНИЛА. Слыхали. Одной математикой мир не одолеешь. Вот ты в обморок падаешь. Неудобно для артиллериста. Принату меньше мило дела, бежать не можешь, в походе успеешь раньше всех. Тренироваться надо, старик, я тебе сколько раз говорил! Займись, пока есть еще время!

ШУРА. Я... Но как же? Успею ли я? Вот неприязнь!

ДАНИЛА. Иди-ка к брату на поклон. Вы приходите друг другу! Не можешь идти? Давай пощучу. (Поддерживает хромого Шуру. Оба уходят. Быстро вбегает Юра).

ЮРА. Неужели опоздал? Не дождался? Не может быть! Она обязательно вернется сюда. Совсем заперлся. Соснуть бы часок. Отдохну немного. (Пожится и моментально засыпает).

(С санитарной сумкой вбегает Ася).

АСЯ. Тебе плохо, Шура? Ты опять лег? (Юра спит. Ася тронула его за плечо). Спит. Книжк был заперт, пришлось бежать домой за санитарной сумкой. Жалко будить! Ну, ладно, забинтую ему сонному ногу, а то она сильно распухнет и он совсем не сможет пойти. (Быстро бинтует ногу Юре. Он просыпается).

ЮРА. Что случилось, Ася? Почему ты забинтовала мне щиколотку? И как ловко! Это было бы хорошо, если бы я собирался играть в футбол сейчас.

АСЯ. В футбол? После твоего обморока и боли в ноге?

ЮРА. Какого обморока? У меня совершенно не болит нога. Ты спугала. Это твоя нога болит.

АСЯ. Ты бредишь! (Трогает Юрия зуб). Жара идет. Но, может быть, падая в обморок, ты получил сотрясение мозга? Ты перестал ясно мыслить.

ЮРА. Не понимаю, к чему эти насмешки! Если ты считаешь, что я глуп...

АСЯ (тоже обиженно). Это ты всегда намекал мне, что я мало серьезна. Но если я признала тебе твою физическую слабость, то ты...

Юра (вскликая). Какую слабость? Ты слишком возгордилась, уральская чемпионка. Московские школьники, пожалуй, утрут нос некоторым другим по силе и выносливости.

АСЯ. Как быстро ты все забыл. Только что я принесла тебя на своих плечах. Ты падал в обморок, как кисейная барышня, от некоей пустяковой боли в вот ты... Я не люблю притворщиков и лгунов. (Уходит).

Юра (в гневном недоумении). Она меня несла! Эта женщина и телачное растение. Я падаю в обморок! Я могу перетащить за шиворот, как слепых котят, всех ребят их школы, а она удерживает меня в физической слабости! Ладно, Ася Румянцова, ты пожалеешь о своей шутке. (Входит Данила). Очень кстати, приятель. Можешь придраться одной чемпионке...

ДАНИЛА (перебывает). У меня дело к московскому чемпиону. Тебя исключают из списка переходящих в артишколу.

ЮРА (забыл обо всем). Меша? Из списка? Кто исключает?

ДАНИЛА. Математик Иван Кузьмич. Передают лучших учеников. У тебя же непорядок с взаимными геометри. Тебе даже срок на двадцать

пятое августа, а ты не ходишь совсем на консультации. Иван Кузьмич не хочет допускать тебя к контрольной.

ЮРА. Серьезно?

ДАНИЛА. Абсолютно.

ЮРА. Вот история! Но я должен быть в артиллерийском училище. Я сильный, натренированный, выносливый, здоровый. Все это необходимо военному человеку.

ДАНИЛА. Да, да, все это правда. Но математика, физика пужны советскому культурному военному человеку не меньше, чем здоровье. Не терять зря времени. Беги на поклон к брату. Вы можете выручить друг друга из беды. У каждого избыток того, чего не хватает у другого. Беги домой, Юра. Шурка ждет тебя там. (Юра уходит. Данила одне поет, отсчитывая на пальцах и палепо танцуя).

Если ты вынослив, ловок,
Энергичен и силен...

(МАРИЙКА выбежала, схватила за руку Данилу. В быстром темпе закружила его подпевая).

Если крепок ты здоровьем
Любос культурен и умен...

МАРИЙКА. Тем! Тем! Тем! Моя бабушка пела по полю в таком темпе! Как братья?

ДАНИЛА. Я их спел! Попли дополнять друг друга. Я предчувствую, что моя идея о гармонической личности на-длая восторжествует. Что ана-чит — я!

МАРИЙКА. А не я ли?

ДАНИЛА. Ты? Ты знаешь, кто ты?

МАРИЙКА. Уральская писовница. Комсомолка. Марийка.

ДАНИЛА. Ты Фигаро в юбке. Лучше не попадаться тебе.

МАРИЙКА (шутливо поет, приплясывая).

Я не злодей, не склочница,
Но я из тех, кто дрязнитя.
Мне посмеяться хочется,
Я добрая проказница...

На тебе булочку, Съешь ее все мое здоровье! Разве я не добрая?

ДАНИЛА. Добрее не бывает.

МАРИЙКА. Если бы ты был более изыщен, Данила!

ДАНИЛА (нежно разводя руками). Разве я изыщен?

МАРИЙКА. Вопрос!

(Запевает)

(Перед запевком МАРИЙКА).

Пока оденутся актеры
И разиграют здесь финал,
Чтоб оживленных разговоров
Никто из нас не подымал,
Я, задержав вас очень мафю,
Сидящим здесь, моим друзьям,
С согласия зрительного зала
Совет короткий преподдам:
Чтобы к победе гордой шли мы,
Необходимо мне и вам —
На радость родной любимой,
На зло врагам, на спрах врагам —

Так жить, чтобы любое дело
Дружило с силой наших рук.
Так жить, чтобы в здоровом теле
Был крепкий и здоровый дух!

Теперь о братьях, о Даниле...
Конiec Марийских проказ...
О сестрах, обо всем, что было
Заканчиваю свой рассказ...

(МАРИЙКА раздвигает занавес. Август. На дереве золотые листья. На скамье сидят Шура и Ася. Шура в военной форме).

АСЯ. Как быстро прошло лето! Ты уезжаешь сегодня, Шура!

ШУРА. Я уезжаю. Ты будешь писать мне два раза в неделю?

АСЯ. Каждый день! А на фронте мы встретимся.

ШУРА. Непременно. Я так благодарен тебе. Я был таким слабым, беспомощным мальчишкой. Теперь я сильный и крепкий человек. Мне не страшны любые испытания.

АСЯ. Разве одна я? И Юра, и Данила, и Марийка; и все товарищи. Нам всем нужно быть крепкими и умными, Шура: мы советская молодежь! (Оба уходят).

(Со стадиона слышится музыка. Все дальнейшее происходит на фоне этой музыки. Марийка и Данила выходят навстречу друг другу (Данила в военной форме)).

МАРИЙКА. Держи меня, Данила! Я сейчас упаду в обморок. Ты не отразим в военной форме. Ты должен быть пружинным. Чего ты улыбаешься во весь рот, когда мы расстаемся?

ДАНИЛА. Разве я улыбаюсь? Я не знаю, Марийка. Я счастлив, счастлив! Счастье расширяет меня. Мне все нравится, и эта моя форма; и то, что Шура и Юрка мои друзья, и ты — больше всех ты!

МАРИЙКА. Пойдем, я тебе дам звуку! Ты потрешь глаза и хоть для ярлычка поплачешь. Дадим проститься на этой многострадальной скамье нашим лучшим друзьям! Вот они! (Уходят).

(Выходят Тася и Юра. Юра в военной форме).

ЮРА. Я так благодарен тебе, Тася. Я стал умнее, мягче, культурнее от дружбы с тобой.

ТАСЯ. Я любила побыть одной, отделаться от товарищей, я презирала силу, здоровье. Какая чепуха лезла мне в голову! Ты слышишь? Весь комсомол города собрался проводить вас. Какая это веселая песня! Подпевай.

(Оба подпевают)

Здоровая, задорная
В ученьи и в труде,
В лихом бою упорная
И сильная везде,
Вот это — молодежь!
С такой не пропадешь! (Уходят)

(Снова возвращаются Марийка и Данила)

ДАНИЛА. Ну, в последний раз! До свидания!

МАРИЙКА. В самый, самый последний раз. До свидания милая героическая личность. Не выдала никого смешнее и лучше тебя.

ДАНИЛА. Не смейся над нескладным Данилой Чуриловым, Марийка. Он тебе докажет.

МАРИЙКА. А разве я сомневаюсь? Лучше всех докажешь. Подпевай. Это о вас, о советской молодежи песня:

Идет жестокая война
И с каждым днем прозней,
Ты для войны закалена,
Ты воспитанница в ней.

Сквозь грозы все, сквозь бури все
Бессмертная пройдешь!
Дизится мир твоей красе,
Родная молодежь!

Здоровая, задорная
В ученьи и в труде,
В лихом бою упорная
И сильная везде —
Вот это молодежь!
С такой же пропадешь!

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕЖОНОК

Драматический этюд в 1 действии Д. Далева

Тема — необходимость противоэпидемических прививок

Краткое содержание

Архитектор Раскосов и его жена, Ольга Петровна, очень любят своего первенца Павлика и всячески берегут его. К ним иногда заходит знакомая старуха, Анна Карповна. В одно из своих посещений она приносит Павлику плюшевого медвежонка. Ребенок заболевает. Приглашенный врач находит у него дифтерию. Родители не понимают, от кого мог заразиться их сын. Но тут выясняется, что невежественная женщина взяла игрушку на время в семью, где есть больной дифтерией ребенок. Пожалевав Павлика становится все серьезнее. Отчаяние матери усугубляется угрозами соседей: она не сделала вовремя сыну прививку и тем не предохранила его от ужасного заболевания. Доктору, однако, удается в конце концов спасти Павлика.

Характеристика действующих лиц

РАСКОСОВ — тридцатилетний энергичный мужчина, рассудительный и спокойный, хороший семьянин. К сожалению, только сильная занятость с постоянными разъездами не позволяют ему уделять достаточно времени семье. Одет в летний дорожный костюм. На голове мягкая шляпа. В руке плащ и чемодан.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА — молодая мать, безгранично любящая своего первого ребенка, но еще неопытная и малоскушенная в уходе за детьми. Отсюда ее излишняя доверчивость ко всем, даже к разным соседкам-старухам, которые лезут со своими «поучениями». В связи с недомоганием сына она нервничает и полна скрытой тревоги. Одета в простое домашнее платье.

ПАПА-ВАСЯ — отец Раскосова. Добродушный, веселый старик; большой любитель природы, особенно птиц. Очень привязан к сыну и его жене, а в особенности к внуку. Одет попросту, подеревенски. За плечами рюкзак, в руках несколько мешоч, клетка с птицей и детские игрушки.

ЛИДИНА — детский врач. Женщина средних лет, спокойная, настойчивая, с большими знаниями и опытностью. Она не терпит даже в самые тяжелые минуты, умения поддерживать не только больного, но и окружающих. Ей обязан Павлик своим спасением. На Лидию — обыкновенное, скромное платье, поверх которого она, пряча к больному, надевает халат.

АННА КАРПОВНА — типичная старая обязательница. Не любит докторов с их лекарствами; сторонница домашних «средств». Благодаря ее невежеству чуть не гибнет ребенок. Лишь разразающаяся катастрофа заставляет

Анну Карповну пожать, наконец, причиненное ею зло. Одета в старомодное, выцветшее от времени платье. Плечи прикрыты черной шляпой. На голове косынка.

Оформление

Действие пьесы происходит в столовой квартиры Раскосовых. Это небольшая светлая комната, скромно обставленная самой необходимой мебелью. В глубине дверь в переднюю и кухню, справа вторая дверь — в спальню.

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕЖОНОК.

Драматический этюд в 1 действии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Андрей Раскосов — архитектор, 30 лет
Ольга Петровна — его жена, 25 лет
Папа-Вася — его отец.
Лидина — детский врач, средних лет
Анна Карповна — старуха-обязательница

(Близится вечер, в окне — ответы зари. На сцене Раскосов в дорожном пальто).

РАСКОСОВ (укладывая в портфель бумаги). Проект здесь, эскиз тоже... В порядке!

ОЛЬГА (за сценой поет колыбельную песенку).

Спи, мой любимый, усни!
В доме погасли огни...

РАСКОСОВ (на цыпочках подходит к боковой двери, понотому). Оля, мне пора.

ОЛЬГА (показываясь в дверях). Андрюша, милый, я сейчас. Павлик уже наконец засыпает. (Скрывается).

РАСКОСОВ (Хорошо! Не опоздать бы мне все-таки на поезд!

ОЛЬГА (входя). Вот я и освободилась!

РАСКОСОВ (Парню пятый год, женить пора, а он без бабки-баю уснуть не может! (Васю). Позор, позор! (Смеется).

ОЛЬГА (испуганно). Тсс!.. Тсс!.. Тсс!.. Тыше, разбудить Павлика! Он уже несколько дней плохо себя чувствует.

РАСКОСОВ (захлопнув себе рот рукой). Выповал! Ты меня прости, дорожал, но нельзя же так баловать малыша!

ОЛЬГА Ну что я с ним сделаю!

РАСКОСОВ. Я тоже люблю нашего единственного сына, мою кровь, мое счастье. Но даже родительская любовь должна иметь границы...

ОЛЬГА (страстно). Нет, любовь матери безгранична!.. Ах, Андрей, вы, мужчины, более рассудочны, вы не можете постигнуть всей глубины и самоотверженности материнской любви...

РАСКОСОВ (исребивая). Но мать бывает иногда разлагоразумна в своей чрезмерной любви к ребенку. Из боязни простуды ты делаешь его легко восприимчивым к ней.

ОЛЬГА. Он уже простужен! Кашляет...

РАСКОСОВ (пренебрежно). Надо немедленно вызвать врача!

ОЛЬГА (торжествующе). Нет, врача пока вызывать не буду, — у меня есть замечательное домашнее средство против кашля. А этих докторов я как-то, знаешь... побаиваюсь.

РАСКОСОВ (укоризненно). Ольга, Ольга! И тебе не стыдно?
ОЛЬГА. Знаю, знаю, что ты скажешь! Но ты не беспокойся за Павлика!
Я его так люблю, что с радостью отдам за него жизнь!..

РАСКОСОВ (тронутый). Береги же его в мое отсутствие! Ну, мне пора.
(Берет портфель и роняет его на пол).

ОЛЬГА. Ай, Павлика разбудил! (Оба от страха приседают у упавшего портфеля, прислушиваются).

РАСКОСОВ (шопотом). Нет, кажется, повелитель не проснулся! (Тихо смеется).

ОЛЬГА (зажав ему рот рукой). Ты неисправим!.. Андрюша, когда же ты вернешься?

РАСКОСОВ (поднимаясь). Дней через пять-шесть. Добьюсь принятия моего проекта — и домой. (Целует ее).

ОЛЬГА. А с Павликом ты разве не простишься?

РАСКОСОВ. Издали, чтобы не разбудить! (Заглядывая в боковую комнату). До свидания, орленок мой!.. Смотри, как нежно прижал он к груди плюшевого медвежонка.

ОЛЬГА. Павлик обожает его! Больше всех других игрушек.

РАСКОСОВ. Ладно, я ему из командировки привезу еще лучшего медведя — белого, полярного!

ОЛЬГА. Ну, иди, иди, милый, а то я в самом деле на поезд же поведу! (Глядя ему вслед). Милый!.. (Отходит от двери, на лице улыбка счастья). Чем я заслужила столько радости и такого большого, большого счастья?..

(Входит Анна Карповна)

АННА КАРПОВНА. Куда это ваш муженек так понесся? Чуть с ног меня не сбил, старую!

ОЛЬГА. Он на поезд торопится, — уж вы его извините, Анна Карповна!

АННА КАРП. Ничего, я не в обиде. Ниче насчет вежливости не спрашивай.

ОЛЬГА. Присаживайтесь, Анна Карповна. Вы с Павликом посидеть пришли? Он еще спит.

АННА КАРП. (присаживаясь). Ничего, дело выйдется. Киселька ему сварю или еще чего... Так вот я говорю: в больницах и то нынче вежливости не соблюдают. Пошла я на той неделе навестить знакомую одну... Дарьей Ильининой звать. Может, знаете ее? Говорю ей: не ложись ты в больницу со всякой срундозивной!.. У нее, видишь, на носу румянец появился, хотя с детства непыющая. Тут в самый раз домашнее средство: приложить лепешку из глины или там жеваной резины, и нос как рукой снимет! А она сдуру — в больницу. Ну, и получила невежливое слово от доктора!

ОЛЬГА (удивленно). Как же это?

АННА КАРП. Посмотрел доктор на Дарью нос и говорит ей прямо в лицо: «Рожа!» Дарья, хотя и дура, а тут обиделась и отвечает: «Может я и рожа, да и вы, доктор, тоже не красавец!» ... Хе-хе-хе! Так и отбрил!

ОЛЬГА. Позвольте, на что же тут обижаться? Вы не поняли. Рожа — это такая болезнь. Рожистое воспаление.

АННА КАРП. А вы, Ольга Петровна, поменьше ихнего брата защищайте. Мало они людей уморили, кто ли? Уж это вы как хотите, а я ихним лекарствам не верю. (Стук в дверь).

(Входит Папа-Вася)

ПАПА-ВАСЯ (весело). Явление второе: те же и я.

ОЛЬГА (радостно). Василий Васильевич! Папа-Вася! Какой приятный сюрприз!.. (Целуются). Какими судьбами?

ПАПА-ВАСЯ. Не судьбами, а поездом. Да еще с двумя пересадками. (Снимает с плеч рюкзаки, трюк с вещами, клетку с птицей, большую детскую лошадь и др.). На несколько дней, Олюшка. По делу нашей птичьей фермы. Уж я дела там заворачиваю!

ОЛЬГА. Погодишь бы попольше, Папа-Вася.

ПАПА-ВАСЯ. А на кого птичью ферму оставляю? Да мои цесарки и видоты с горя жопы на себя наложат. (Смеется). Что ж это меня ни жаль, ни влук не встречают?

ОЛЬГА. Папа-Вася, Андрюша как раз перед вашим приходом в Горький уехал на несколько дней, а Павлик спит. (Заглянув в боковую комнату). Не проснулся? Папа-Вася! Он простужен. Меня беспокоит его простуда. Вдруг что-нибудь серьезное?.. Я вызову врача!

АННА КАРП. Уж больно вы, матушка, нужливая! Чуть что — врача. Только дитя мучить!..

ПАПА-ВАСЯ. Мамаша, — не вмешивайся ты в медицину! Дело это толкое и не в твоим умом его поапмать!

ОЛЬГА (улыбаясь). Вы оба, как встретитесь, восвать начинаете! Лучше расскажите, Папа-Вася, как у вас на ферме дела идут?

ПАПА-ВАСЯ (оживленно). По куриной части идем в районе вперед! По гусиной — на втором месте. Да, кстати, я Павлику чуело петушка привез. Замечательно чуело!

АННА КАРП. У него игрушек и так хватает. Вот я ему медвежонка дала поиграть. Прямо не расстается с ним, до того нравится!

ОЛЬГА (вспомни). Ах, да! Я, Анна Карповна, все забываю все спросить: откуда этот медвежонок? Вы его купили, верно? Так я должна вам уплатить за...

АННА КАРП. И, что вы, Ольга Петровна, милзи, какое там уплатить! Я медвежонок-то у соседки взяла. Дочка у нее, Лисской звать, — захворала чего-то... Ну, отвезли девочку в больницу, а медвежонок без дела валялся. Вот я и...

ОЛЬГА (в крайнем волнении, вскочив с места). Что? Как вы сказали?.. Девочку отвезли в больницу? А чем она заболела?

АННА КАРП. Кто ж ее знает? Ниче по всяким пустякам... ОЛЬГА. Лстойте! Что же с девочкой? Она умерла?

АННА КАРП. Окстись, матушка! С пустяков-то умирать?

ОЛЬГА (церио). С ума сойти можно! Но ведь, когда медвежонок был у девочки, она могла быть заразной!.. Где она живет? Я пойду узнаю, я... Ах, Павлик проснулся! (Быстро уходит в боковую дверь).

АННА КАРП. И чего это она вдруг засуматошилась?

ПАПА-ВАСЯ. Вы не понимаете? У больного ребенка взяли игрушку, сразу с ней могли принести... микроб!.. (Вздвигается). Может, у девочки была скарлатина, а?

АННА КАРП. Да что вы пристали, в сам-деле! Доктор я, что ли?

ПАПА-ВАСЯ. Старая вы дура, а не доктор!

АННА КАРП. Бжежи человек без всякой взаимной вежливости, я с ним и разговаривать не хочу! Пойду лучше на кухню — Павлику кашу приготовить. У-у, куриный начальник. (Уходит).

ОЛЬГА (быстро входит, крайне возбуждена). Папа-Вася, у Павлика жар... он весь горит. Все сильнее кашляет с хрипом. Даже стал всдыхать... Что с ним? Ах, как я боюсь за него! (Пошатнулась).

ПАПА-ВАСЯ (подхватив ее). Ну, что ты, что ты, Олюшка! Простуда какая-нибудь...

ОЛЬГА (торопливо). Надо бежать за врачом!.. Где мое пальто?

ПАПА-ВАСЯ. Оставайся с Павликом, — я сбегать!.. Хотя — нет; тебя нельзя в таком состоянии оставлять... Сейчас устрою. (Быстро уходит).

ОЛЬГА (в полном бессилии опустилась на стул). Неужели опасное... Чижик мой, маленький, я так берегла, так охраняла, а ты...

ПАПА-ВАСЯ (возвращается). Посылал твою дуру Карповну! Оказывается, тут недалеко живет детский врач...

ОЛЬГА. Папа-Вася, Папа-Вася! А вдруг уже поздно?. Он уже три дня болен, а я... домашними средствами...

ПАПА-ВАСЯ. Ну, чего ты, Олюшка, себе ужасы рисуешь? Мальчишка крепелький, любую болезнь поборет.

ОЛЬГА. Какой вы хороший, Папа-Вася, а я плохая мать. Не уберегла сына! Ах, что же врач не идет?! (За сценой звонок).

ПАПА-ВАСЯ. Идет, идет! Я открою!.. (Уходит в среднюю дверь).

ОЛЬГА. Только бы элечега опасного! Только бы пячега опасного!

(Входит врач Лидина; за ней Папа-Вася)

ЛИДИНА. Здравствуйте! Где маленький пациент? Вы его мать?

ОЛЬГА. Да, я так волнуюсь, так волнуюсь!

ЛИДИНА (взяв ее за руку, тепло и ободриюще). Спокойнее, спокойнее! Покажите, что настроили мамы передается ребенку. К тому же мы ведь еще не знаем, есть ли основания для тревоги?.. Ведите меня к нему!

ОЛЬГА. Идемте, идемте, доктор! (Обе уходят в боковую дверь).

ПАПА-ВАСЯ (в беспокойстве ходит по комнате, закуривает, но тутчас испуганно гасит папиросу и рукой расшепчет дым). Эх, Павлуша, Павлуша! Что ж это ты, брат, напугал нас, а? Так геройские мужчины не поступают, забодая себя курица!

АННА КАРП. (приоткрыл дверь, вполголоса). Не ушла еще докторица-то? Вы ихней сестре же больно доверлялись! Нивесть что выговариват.

ПАПА-ВАСЯ. Вот некультурье ходячее на нашу голову! (Яростным шепотом). Брысь! (Анна Карповна быстро скрывается).

(Входит Лидина, за ней Ольга)

ЛИДИНА (еще ее поспрашивает). Н-да. Так вы говорите — уже два три?

ОЛЬГА. Да, не меньше. Он кашлял сначала весильно и температуру была высокая, и я думала, что простужен. (Со страхом и болью). Доктор, я ошиблась? Что же у него?.. Умоляю, не скрывайте от меня правды!

ЛИДИНА. Ничего скрывать не буду, но в панику не надо. (После паузы). У вашего ребенка — дифтерия.

ОЛЬГА (с подавленным криком). Дифтерия!.. Нет, нет, не может быть!

ЛИДИНА. К сожалению, это так! Каптивна болезни совершенно ясно и мне не нужно даже брать мазок для бактериологического исследования, чтобы вполне убедиться. Вы должны были вызвать врача значительно раньше, как только у вас появилось подозрение, что ребенок заболел — болезнь очень запущена!

ОЛЬГА. Я не знала.. Я думала.. (В отчаянии). Значит уже поздно? Павлик.. умрет! (Чуть не падает, хватается за стол).

ПАПА-ВАСЯ. Олюшка, Олюшка, ну, что ты в самом деле! (Усаживает ее).

ЛИДИНА. Мать должна быть мужественнее перед лицом опасности! Да, положение серьезное. Дифтерия — крайне опасная болезнь, угрожающая жизни ребенка. Но врачебная наука нашла могучее оружие против этого врага.

ОЛЬГА (с надеждой). Какой же, доктор, какое?

ЛИДИНА. Лечебная противодифтерийная сыворотка. (Объясняя, она не теряет времени: вынимает из своего саковожка сыворотку, шприц, эспу и т. д.). Этот антитоксин обезвреживает вырабатываемый дифтерийным микробом яд. Кстати, почему вы до сих пор не сделали предохранительные прививки вашему сыну? Неужели вам этого аж раз не предлагали?

ОЛЬГА. Предлагали. Но я.. я так боюсь этих прививок... Вводить яд в кровь ребенка!..

ЛИДИНА. Для того, чтобы обезвредить более страшный яд! Ведь оспу вы привили своему сыну?

ОЛЬГА. Но оспа давно изучена, проверена на ряде поколений! А тут..

ЛИДИНА. Обязательские справки! Прививки против дифтерии безразличны. А результаты прекрасные. Дети, которым сделаны предохранительные прививки, в семь-восемь раз реже заболевают дифтерией, а если заболевают, переносят болезнь значительно легче. Смертность среди детей, которым сделали прививки, уменьшилась в 28 раз!

ПАПА-ВАСЯ. Вот, слышите, Олюшка!

ОЛЬГА (ломает руки). Я не знала этого, я.. Доктор, спасите моего сына!

ЛИДИНА. Спокойно, спокойно! Я сделаю все, что в моей власти. Поидемте к мальчику; я ему введу лечебную сыворотку (Обе быстро уходят).

ПАПА-ВАСЯ (заглядывает в боковую дверь). Эх, Павлик, дедушку даже не узнаешь!

АННА КАРП. (входя с кастрюлькой в руке). Ну, вот, кашку мальчонке сварила!

ПАПА-ВАСЯ (загораживает ей дорогу, сердито вполголоса). Пойдите, ангел божий! Отвечайте: где живет девочка, у которой вы медвежошка для Павлика взяли? И как ее зовут?

АННА КАРП. Это кто — Люська-то? Так и зовут Люська. А фамилия ей — Цветкова. И подходяще очень — ну, прямо цветочек, а не девочка!

ПАПА-ВАСЯ. Где живет?

АННА КАРП. А рядом, в доме № 9. Три звонка коротких и два длинных.

ПАПА-ВАСЯ. Больше ничего. Можете идти.. профессор!

АННА КАРП. Что же докторица-то? Ребенка кормить пора, а она там тары-бары разводит!

ПАПА-ВАСЯ (слова свирепо). Уходите, гражданка, а то я вас выпущу в сокращенном издании — без голоса!.. Ну, киши! (Анна Карп с подавленным визгом выкатывается). С 17 года так сердит не был, как сейчас. (Ходит по комнате). Что они так долго?

ЛИДИНА (входя с Ольгой). Оставайтесь с ребенком и приготовьте его к отъезду в больницу.

ОЛЬГА. Как в больницу? (Взвизгивая). Вы же ему вприсунули сыворотку!..

ЛИДИНА. Необходимо постоянное наблюдение врача и ряд других условий, которые можно обеспечить только в больнице.

ОЛЬГА (с ужасом). Павлика — в больницу!

ЛИДИНА. Ну, да. Что же тут страшного?

ОЛЬГА. Н-нет, ничего.. Я только боюсь, что он без меня будет плакаться, плакаться.. Доктор, разве я не могу лечить его дома? У него отдельная комнатка.. Будут врачи.. приглашу сиделку.. Доктор, я прошу вас!

ЛИДИНА. Я не знаю, кто из вас больше ребенок — вы или ваш Павлик?.. Поймите: токсическая форма дифтерии, самая опасная форма, и позднее введение сыворотки может стать роковым. Дома не может быть ни того ухода, ни тех срочных и своевременных мер, которые могут каждую минуту позаботиться.. Довольно колебаний!

ОЛЬГА. Да вы правы! Простите, я сейчас..

ЛИДИНА. Подготовьте ребенка к отъезду, закутайте его.. Я позабочусь, чтобы прислали сюда дезинфектора.

ОЛЬГА. Павлик, маленький мой чиж! (Уходит подавленная).

ПАПА-ВАСЯ (кашлянул в кулак). Извинюсь, товарищ доктор, разрешите задать вопрос насчет медвежонка.

ЛИДИНА. Какого медвежонка?

ПАПА-ВАСЯ. Тут... старуха одна малосознательная взяла медведя у заболевшей девочки и принесла Павлику. Мог он через медвежонка заразиться или нет?

ЛИДИНА. Вполне возможно. Дифтерия вызывается особыми микробами, так называемыми дифтерийными палочками. Когда больной ребенок разговаривает, кашляет, чихает, он разбрызгивает вокруг себя капельки слюны с микробами. Они попадают на вещи и...

ПАПА-ВАСЯ (скрывая волнение). Еще вопрос, доктор. Павлик... внучек он мне, знаете... Выживет или... (Голос его дрогнул).

ЛИДИНА. Вы хороший дедушка! И внук у вас славный. И медицина у нас за ребят стоит горой. Значит, не надо терять надежды! Все, что в силах человеческого, будет сделано.

ПАПА-ВАСЯ. Спасибо, спасибо вам, родная (Горячо жмет ей руку).

(Входит Ольга, сильно расстроена)

ОЛЬГА. Он плачет. «Мамочка, говорит, я тебе надоед, ты меня хочешь кому-то отдать!» (Плачет).

ЛИДИНА. Мне кажется, вы даже своего мальчугана заразили ложным страхом и предубеждением против больницы! (Строго). Любить ребенка не значит только ласкать его и потворствовать капризам.

ОЛЬГА. Не браните меня! Я и так несчастна. Что я скажу мужу!

ЛИДИНА. Сейчас надо думать не о том, что скажет ваш муж...

ОЛЬГА. Ах, вы не знаете, что для него этот мальчик! И ны... просните, но вы, верно, не любил так, как я!

ЛИДИНА (возмущенно). Вы заблуждаетесь, дорогая. Я тоже любящая мать и жена. Немедленно несите сына в больницу.

ОЛЬГА (покоренная силой ее слов и тона). Хорошо. Я это сделаю. Дайте мне только уговорить мальчика.

ЛИДИНА. Помните, что каждая минута дорога. Мне надо взглянуть еще к одному маленькому пациенту. До скорого свидания. (Уходит).

ПАПА-ВАСЯ. Замечательная женщина! Ну, Олюшка, одевай Павлика, — едем в больницу!

ОЛЬГА. Да, да, надо... Ах, как тяжело! Мне кажется, что я навсегда увожу его из дому...

ПАПА-ВАСЯ. Почему, глупенькая, почему?

ОЛЯ. Не знаю... может быть, внешнее... или старый предрассудок. (Уходит).

ОЛЬГА (за сценой всхлипнув). Ах, как тяжело! Мне кажется, что я навсегда увожу его из дому...

Спи, мой любимый, усни!
В доме погасли огни,
Дверь ни одна не скрипит,
Месяц в окошко глядит...

(Полное затемнение. На фоне — короткий музыкальный фрагмент. Затем снова свет. Раннее утро. Папа-Вася дремлет в кресле. Звонок.)

ПАПА-ВАСЯ (проснувшись). А, что? Где?... Звонит. Сейчас, сейчас! (Выходит и сейчас же возвращается в сопровождении Ольги. Она бледна, измучена). На ногах еле держишься, бедняжка! Уходишь ты себя совсем... (Усаживает ее). От Андрюши телеграмма. Вылетает на самолете, сегодня будет здесь. Вспит мужаться. А ты!

ОЛЬГА (с убитым видом, глухо). Андрюша его уже не встанет живым.

ПАПА-ВАСЯ. Ну, что ты, что ты, безумная! Поправится Павлик.

ОЛЬГА (качая головой). Нет, поздно... дифтерийный яд уже сделал свое дело... Наука бессильна...

ПАПА-ВАСЯ (тихо). Кто сказал? Лидина? Врачи?

ОЛЬГА. Нет, они еще надеются. Я сама чувствую... вижу... (В диком врезатом порыве). Если мой мальчик умрет, я себе голову разможжу об стену, я...

ПАПА-ВАСЯ (удерживая ее). Не безумствуй, Оля! Успокойся, бедная моя... Тихо, тихо! (Нежно обняв ее за плечи, ведет к боковой двери). Присяг, дорогая, немного... носи капелку... (Вводит ее в комнату Павлика и возвращается на цыпочках). Уснула. Как камень свалилась! До чего устала, измучилась до чего. (За сценой звонок). Кто ж это? Неужто Андрюша?... (Уходит к средней двери, заглушенные восклицания и говор).

(Входит Раскосов и Папа-Вася)

РАСКОСОВ (в руке у него большой плюшевый медведь, возмущенно). Ну, как, отец?

ПАПА-ВАСЯ. Плохо, сынок! Олюшка пришла из больницы и говорит, что... что надежды нет!

РАСКОСОВ (растерянно). Как же это? А я ему нового медвежонка... (Медвежонка падает из его рук на пол. Он закрывает лицо руками).

ПАПА-ВАСЯ. Андрюша, Андрюша! Ты еще тут... Нам Олюшку подержать надо, а если и мы раскиснем, забодай нас курица, то...

РАСКОСОВ. Где Оля?

ПАПА-ВАСЯ. Она там, пришла только что... Тсс! Прислулась, кажется.

ОЛЬГА (появляясь и не замечая Раскосова). Папа-Вася, Папа-Вася! (Бросается к нему, со страхом). Мне стало страшно! Я только что видела сон... (Трет лоб). (Мне снилось, что Павлик подавался на самолете высоко-высоко... Протянул ко мне ручки и звал: — Мама, мама! Я улетаю, — прощай!... (Дико вскрикивает). А! Он умер, он умер! (Рывнулась из рук старика и врезано увидела мужа). Андрюша, ты?

РАСКОСОВ (прильнув ее к груди). Я, я, дорогая, бедная моя!

ОЛЬГА. Ты уже знаешь? Иван Павлик умирает!

РАСКОСОВ. Но этого еще не случилось, родная! Есть еще луч надежды. (Целует ее).

ОЛЬГА (как ужаленная отскакивает от него). Нет, нет, не целуй меня! Я этого не стою... Я, я виновата! Я убила нашего Павлика!

РАСКОСОВ. Не говори так, любовь моя! Ты — самоотверженная мать, ты...

ОЛЬГА. Я — преступная мать, я — детубийца! (В передней тихий звонок, она не слышит). Ах, как я гордилась своим сыном! И вот теперь нет такой силы в мире, чтобы вернуть его мне!

ЛИДИНА (внезапно появляясь). Такая сила есть! Ваш сын жив и будет здоров!

ВСЕ (пораженные). Что? Что вы сказали? Возможно ли?

ЛИДИНА. Ваш Павлик был из волосок от смерти, но нам удалось вырвать его из рук ее. (Ольга с рыдающим падает в ее объятия).

ОЛЬГА. Благодарю, благодарю вас! Вы спасли моего сына!

ЛИДИНА. Его спасла наша врачебная наука.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ТЕРМОМЕТР

Скetch в I действии Г. Ландау

Тема — чистота и личная гигиена как основные условия предупреждения инфекционных заболеваний.

Краткое содержание

Студентка-медичка Катя любит студента-техника Алешу и собирается выйти за него замуж. Но девушку возмущает неопрятность техника, а также его чрезмерное бравадование своим здоровьем. Она решает проучить Алешу, чтобы он осознал собственные недостатки. С помощью максимального термометра. Кате удается убедить мнительного молодого человека, что обнаруженная ею везикула на нем вовсе заразила его сыпным тифом. После ряда комических эпизодов шутка разъясняется. Однако преподаватель Катей урок не проходит для Алешы даром: он убеждается в правильности замечаний своей невесты.

Характеристика действующих лиц

КАТЯ — юная девушка, у которой за женской неселостью скрывается недюжинный ум и большая сила воли. Она умеет добиться своего простой шуткой, незаметно для другого. В ее отношении к Алеше нет и тени насмешки: ей хочется любовно помочь ему исправиться, отыскать от нездоровых привычек. Это не только любящая женщина, а и чуткий товарищ, надежный, близкий друг.

При первом же взгляде на Катю должна почувствоваться типичная советская студентка с кипучей живостью и душевной глубиной. Она ловка, подтянута, остроумна. Одежда без кокетства, хотя и в простоте, самое обычное светлое платье.

АЛЕША — несколько бесхарактерный юноша. Легко поддается случайным впечатлениям и чужим влияниям. Ему ничего не стоит отказаться от очередного увлечения, чтобы немедленно же быть захваченным новым, нередко противоположным. В нем чувства преобладают над рассудком. Поэтому, несмотря на хорошие задатки, его нельзя считать застрахованным от самых неожиданных неприятностей и бед. Для подобных молодых людей большим счастьем являются встречи в жизни с такими девушками, как Катя.

С внешней стороны Алеша производит впечатление добродушного, увлекающегося, рассеянного и по-своему искреннего юноши.

Оформление

Сцена представляет комнату Алешы. На ее внешнем виде ярко отражается характер хозяина. Все перевернуто вверх дном, неприбрано, запущено. Вся обстановка состоит из простой железной кровати, маленького столика и двух стульев.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ТЕРМОМЕТР

Скetch в I действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Он — молодой человек
Она — молодая девушка

ОНА (слегка прихорашиваясь). Сейчас он должен прийти... Придет и, наверное, заговорит о зарсе. Да! Он мне нравится. Определенно хороший парень... И прекрасный работник: ударом его при заводе оставили. И остроумен. И стихи пишет (Сдувает пудру). Вот только одна беда, что веряха... То-есть какой веряха! (Нагибает приборать комнату). Просто невозможно терпеть... Я удивляюсь, как он чего не схватит! Не заблестит! И, главное, еще разлагольствует! «Дюген, — говорит, — знаменитый философ Грейши, ждал в бочке и был глazen, как Бог. И прожил почти до ста лет!» «Алеша! — говорю, — ты мне очень нравишься. Но как нам с тобой жить? Ну, хорошо, ну, буду я за тобой приборать, буду твоей домработницей. Допустим, тебе повезет, ты ничего не схватил, как этот твой Дюген. О себе я не беспокоюсь... Но ведь физически от этого меня будет всегда коробить, будет страдать мое чувство... Но даже и с этим можно примириться! А дети? Главное, дети! Ты любишь детей, и я о них же мечтаю. Ты будешь для них вечной угрозой заразы! Угрозой инфекции! Детский организм такой восприимчивый!» «Ну, знаешь, волков бояться — в лес не ходить! А потом что это за вечный страх смерти? Смерть — продолжение жизни. Простой переход из одного состояния в другое!» Вот это его фанфаронство, вот эта его показная лихость всего возмущает. Я уверена, что если бы он испытал страх смерти или приступ опасной болезни, то это бы его исправило, сбilo бы с него спесь, посрамило бы эту позу (Задумывается). Гм! Разве его напугать?.. Это пожалуй не трудно. При всем своем выгнанным скептицизме, он очень доверчив! Да!.. Прием доверчив до неволи, по... (Берет термометр). Обыкновенный медицинский термометр!.. Теперь окунаем его в чайник с горячей водой. (Сопровождает свои слова действием). Ну-с... сколько? Тридцать девять и шесть... Достаточно! (Вытирает термометр). Максимальный термометр, и, азначит, сам не спускается, будет держаться хоть год. (Кладет термометр на место). (Входит он. Неряшлив, воротник пальто поднят, из-под сдвинутой назад кепки падают на лоб вихры).

ОН. Катя, здравствуй! (Хочет ее обнять).

ОНА. Нет, нет!.. Сколько раз я уже тебе говорила: прежде чем входить в комнату, надо снимать пальто! И, кепи также!

ОН. Слушаю-сь (Снимает пальто, дезинантируя).

Душа! Покинь земную оболочку
И к небесам спокойно устремись!
Чтоб там, прочтя твою лихую строку,
Сказали: Ну! Творь отсюда брысь!

(Швыряет пальто на кровать. Applaudрует себе). Автора-а!!

ОНА. Браво!.. Но не на кровать, а сюда, на вешалку. (Вешает его пальто; снимает с его головы кепку и вешает туда же). Вот тоже! (Смешает рукой с одеждой).

ОН (закуривает и спичку бросает на пол). Как жизнь? (Поднимает и, расцепив ее ногтем, ковтыряет ею в зубах).

ОНА. Алехсей!.. Неужели тебе не противно? (Берет его за ворот грязной почной рубахи). Ну, что это?! Рубаха у тебя есть, воротнички тоже. Ну, ну! что же это такое?

ОН. В прачешную лень отнести.

ОНА. Дай я отнесу. Дай, я постираю!.. Как будто бы..

ОН (вынимает из кармана брюк яблоко). Половиночку хочешь? Рекомендую: шафран!

ОНА. А ты его мыл?

ОН. Нет. Сейчас вытрём. (Вытирает яблоко о ливиджак). Хорош! (Ломает яблоко пополам). Ту или эту?.. Нет?.. Не хочется? Как хочется!

ОНА. Алексей, нам надо с тобой договориться. Когда ты уезжаешь? Алексей? Я тебя прошу быть серьезным.. Ты знаешь, что ты мне нравишься. Но ты еще лучше знаешь, что эта твоя нервозность, это твоё презрение к гигиене мне глубоко претит, болезненно меня раздражают..

ОН. Ми.. мигнулу шаманила! Я тебе гарантирую: до зорса я вымоюсь, более — схожу в баню.

ОНА (стараясь не улыбаться). Алексей, я серьезно тебе повторю: брось! Ты знаешь, что нервозность, грязь — источник всякой заразы. На-днях на тебе ланна выскочит. Возможно — источник тифа.

ОН. Бедная тварь! Простите ее, ибо она не ведает, что творит.

ОНА. Сыщик — это часто смерть.

ОН. Смерть — это лишь переход материя из одного состояния в другое. Ю, не пугай меня смертью! (Закуривает). Кто не боится смерти, тому не нужны плакаты.

ОНА. Ты не боишься? Нет?.. Ты должен ее бояться! Хотя бы уже потому, что вместо тебя — да, да! — может погибнуть другой. Ты меня попла?

ОН. Нет. Скоромно создалось, — не понял.

ОНА. Так вот! Тебя в военное время оставили при заводе, считая, что ты здесь полезен. Значит, рисковать своей жизнью ты не имеешь права!

ОН. Я не рискую. Диоген, знаменитый философ Греции, не признавал никаких правил санитарии..

ОНА. Врешь! Хотя он и жил в коопуре, как ты говоришь, но когда Александри Македонский сказал: «Прости у меня, чего хочешь!» Диоген тотчас ответил: «Друг мой, постарайся от солнца!» Потому что солнечный свет убивает микробов. А у тебя даже занавески не поднимаются. Так? Но я не то хотела сказать. Я хотела сказать, что меня не огораждает предчувствие.. Это не только предчувствие: а у меня есть опыт.. Твой вид. Алексей, мне не нравится. Да!

ОН. Да?..

ОНА. Да! У тебя должно быть жар, это я вижу. И затем это повышенное настроение, эта неуместная живость, все это для нас, медицинских работников, служит признаком, что внутри тебя уже начался процесс.

ОН. Вадор!

ОНА. Нет, нет, ты этим не шути.. Что твой организм уже поражен ядом.

ОН (иронически). Ядом? Да, это со мной бывает.

ОНА. Не «бывает», а я прошу, сходи сейчас же в амбулаторию. Нет, в ланту поликлиники. Пойдем вместе!.. Нет, лучше посиди сейчас.. (Берет термометр). Поставь!

ОН. Ну, это зачем еще?

ОНА. Он через минуту покажет.. (Ставит ему термометр). Сюда!.. (Заглядывает ему за рубашку). А на груди что-то подозрительное: сыпь ли, не сыпь.. Пожалуй, для сыни немного рано. А впрочем..

ОН. Да брось!

ОНА. Нет, ты держи как следует.. Дай твой лоб.. Гм!.. Вот еще боды не было! Как ты, прощ!

ОН (раздражительно). Да что—«я, я!» Как будто бы я эту сынь выдумал! Катаясь на тремвахе, треща там обо всех..

ОНА. Да, да! Я этого всегда опасалась. Не то, так другое.. Постой, теперь ведь не время стесняться.. (Засматривает ему за рубашку). Да, может и брюшник..

ОН. Этого не хватало!

ОНА. Ты с этой сырой водой.. Хотя на брюшник не похоже (Трогает его лоб). Да, раумеется, жар, мне не нужно термометра. Тридцать восемь и пять я могу гарантировать.. Пульс?.. Вышевай, достаточное!

ОН (вынимает дрожащей рукой термометр). На, посмотри!

ОНА. Тридцать девять и шесть! Я говорила!

ОН. Да!.. Тридцать девять и шесть! Даже еще с полновяной!.. Вот, черт!.. (Возмущенно). Как же это могло случиться?

ОНА. Так!.. (Вытирает термометр и руки одежиномом). Надо джкаться в больницу!.. Вот еще!..

ОН. То есть что «еще»? Другими словами.. тиф?

ОНА (пожимает плечами). Ну, да.. Нет, только ты ее волнуйся. Организм у тебя здоровый. Да, да.. Важно, чтобы сердце выдержало.. (Старается овладеть собой). Ну, скажите! (Перекладывает без нужды вещи с места на место).

ОН. Что ж (глухим голосом). так.. неужели копец?

ОНА. Нет, что ты? Где там—копец?.. Тиф, говорят, теперь будто не очень злобный.. Но, вообще болезнен! Глазное, сердце..

ОН. Сердце, кажется, у меня..

ОНА. Ты не волнуйся!.. Температура вот высока.. Ах!.. Но, главное, надо в больницу! В больницу как можно скорей! (Берет и кладет шляпу). Нет, раньше врач!.. Сейчас я пойду позвоню..

ОН. Нет, Катя, постой!.. Постой, ее уходи от меня. Пять минут больше, пять минут меньше.. Катя, скажи: ты думаешь что это опасно?..

ОНА. Сыщик?

ОН. Сыщик.. Катя.. Это, конечно, глупо, но смерть.. Смерть в моем возрасте.. Я люблю завод, я люблю стихи, Катя. И вдруг неслепая смерть! От какого-то насекомого, от..

ОНА. Нет, но зачем же смерть? Что ты, Алеша! От чего не всегда умирают. (Опускает вниз глаза). Иногда и слабые выживают, иногда и те, кто никогда не болел.. Не думай об этом, Алеша! (С прерывистым вздохом). А потом, да, ты прав! Жизнь или смерть.. Верно! Это лишь переход материя из одного состояния в другое.

ОН. Да.. (С далекой улыбкой). Так-то оно так!.. Но только материя материя — роль.. Больно она уж жесткошерстная, что из утиля. А.. ланна — шестая шерсть! И прет она! И яркая! (Кутаясь), Глупо.

ОНА. Не надо, Алеша, выкрутись! Что за мысли! Обидно, конечно, что это — ты сам. Я этого ожидала. Не то, так другое. Не сыщик, так брюшник, дисентерия, грипп.. От всего можно заболеть, от всего можно умереть, и причина одна — инфекция.. Выкрутись, Алексей, право! Как еще живем!

ОН. Хорошо бы!.. И знаешь, Катя, я бы тогда..

ОНА. Что, Алеша?

ОН. Я бы тогда эти ваши плакаты вместо икон у себя развешал. Как знаешь: «Не пейте сырой воды!» и прочее. От каких мелочей зависит иногда жизнь..

ОНА. Да, Алексей!.. Как жаль, что мы даем иногда хорошие обещания после того, как.. Ну, не утмвай, Алеша! Важно, что ты осознал, что ты даешь слово..

ОН (горнич). Даю! Даю, Катя! Лишь бы мне только выкарабкаться! А! (Мечтательно). А там я уже буду и снаружи и внутри мыться. Насквозь себя прощивать. (Отворачиваясь). Катя.

ОНА. Ну, ободрился, Алексей! Может быть еще... Эхень? (С надеждой). Уж очисти ты умно поворачь, удивительно скляно! У тифозных это редко бывает... (Вздвонхивая). Постой, у меня есть идея, Да, да...

ОН. Какая?

ОНА. Я выключила одну вещь... Нет, нет, мне стыдно сознаться: за это меня... А главное, я боюсь, вдруг я теперь ошибаюсь...

ОН (жадно). Да что?.. Что?..

ОНА. Видишь ли... как ряз перед тем, как ты вошел, я мыла термометр. И, может быть, забыла встряхнуть. Да, да!.. А вода была очень теплая, и он... Давай снова померим!

ОН. Ну, едва ли... Попробуй, конечно. А сыпь?

ОНА. Ну, сыпь может быть от гриппа. Ты часто почесываешься... (Встряхивает термометр). Ну, поставь!

ОН. Давай! (Ставит термометр). Ты права, Катя! Я не имел никакого права рисковать своей жизнью. Она — же моя. Она принадлежит государству. А я? Я адезь рискую ею в угоду своей распушенности, своей лени, своей неряшливости!

ОНА. Вынь термометр!.. Довольно!.. (Просияв). Да. Так я и знала! Тридцать шесть и шесть!.. О-о-х!.. Вот гадина! Мне прямо стыдно теперь... Алеша, прости! Алеша, мой милый! Я тебя так напутала... Алеша, я прошу...

ОН. Да?.. (Проводит рукой по лбу). О-о!.. Ну, как ты, действительно, можешь...

ОНА. Милый, прости! Со мной из головы зов. Ну, вот сама стояла и мыла горячей водой и здруг!.. Вот как полагаться можно! Алеша, не сердись...

ОН. Ничего, ничего, Катя. Это не вредно. Это мне, может быть, указание. А то, знаешь, наш брат — пока... как это? (Декламирует):

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлона:

ОНА (указывая на его лицо)

Бедняга, грязного портрета,
Поверьте, не смеет он!

(Аплодируя себе). Автора, автора!

ОН. Bravo, bravo!.. Портрета своего я уже, действительно, дня три не мыл. (Достает из кармана невозбранно грязный носовой платок). Прости, Катя... (Пихает платок обратно). Подальше этот позор культурного человечества... Катя! Даво тебе слово, что о поделуе не заговорю до тех пор, пока не буду чист, как... как этот термометр.

ОНА. Да. Но только до того, как я тебе его поставила. (Смеется). А пока, пока получи рот это адномом. (Крепко его целует).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. Сизова. Два дня Луи Пастера	4
М. Левина. Жена	14
Н. Шаповаленко. Близкий родственник	18
Н. Шаповаленко. Две встречи	26
В. Любимова. Гармоническая личность	32
Д. Долья. Плюшевый медвежонок	48
Г. Ландау. Максимальный термометр	56